

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ XX CENTURY AND PEACE ■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

В НОМЕРЕ:

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Размышления читателей накануне
XIX партконференции

КСИ И ДРУГИЕ

О неформальном отношении к неформальным
организациям

ДИАЛОГ В ДАГОМЫСЕ

Эксперты обсуждают проблемы контроля
договора о ракетах

ISSN 0320 8001

6/88

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Встреча в Дагомысе

Р. БАРКЕР, О. ГРИНЕВСКИЙ. ОТ ИДЕЙ — К ДЕЛАМ, ОТ ДЕЛ — К НОВЫМ ИДЕЯМ

14

Мы: формалы и неформалы

Н. БЕЛЯЕВА. ОБЩЕСТВО — ОТ СЛОВА «ОБЩЕСТВЕННОСТЬ».

18

В. ИГРУНОВ. КСИ И ДРУГИЕ

26

А. ФАДИН. «ПЕРЕСТРОЙКА» В ПОИСКАХ НЕОБРАТИМОСТИ

31

Наши интервью

П. БАРАБОЛЯ. ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР СОТРУДНИЧЕСТВА

38

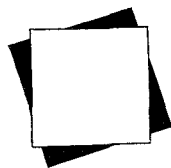
Новое мышление: теория и практика

Г. ЛОКШИН. НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО КАЖДОГО

44

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

К тысячелетию введения христианства на Руси. «Круглый стол» обществоведов и представителей духовенства — «Церковь и общество, современность и прогноз на будущее».

«Уважаемая редакция...»

С весенней почтой происходило вот что. В ней явно нарастала тенденция «копнуть поглубже». Тяга к аналитичности, к смелому (порой даже чересчур) поиску собственного решения общенародных проблем нарастала тем больше, чем ближе становился день открытия партийной конференции. Раскрепощение умов — так назвал эту интеллектуальную активность в сфере политики один из наших читателей, откликнувшийся в предыдущем номере на материалы «Баррикады перестройки». Не все равноценно в этом разногласье, спорными, а то и вздорными, могут казаться иные суждения. Но — давайте учиться спорить, давайте не отвергать с порога, не вдумавшись, неожиданную непривычную, парадоксальную идею. Свободная трибуна перед Вами, читатель. Берите слово.

Взяться за дело

Беседы за «круглым столом» во втором номере вашего журнала не могут не вызвать интереса всех заинтересованных в перестройке и их откликов, отражающих различные мнения. Побуждают к этому глубина, смелость и откровенность поставленных вопросов.

Приходится согласиться с мыслью о том, что реальная перестройка еще не началась, поскольку пока происходит она только в умах. Доказательством этого является отсутствие за «круглым столом» специалистов-практиков. Уважаемые теоретики — писатели, публицисты, историки, социологи, философы — остаются двигателями «перестройки в сознании», трудно проникающей в производственную и научную сферы.

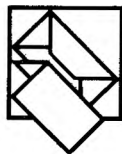
Позвольте высказать несколько конкретных предложений по ускорению этого трудного процесса, которые, возможно, найдут отражение на страницах вашего журнала.

1. Необходимо более конкретно определить цель перестройки. По-

видимому, ее следует кратко определить как «цель перестройки — увеличение национального дохода». В полемике по идеологическим вопросам эта экономическая сторона дела все еще остается в тени, между тем, перестройка вряд ли будет популярна, если приведет к снижению национального дохода и жизненного уровня.

2. Также необходимо более конкретно наметить основные пути перестройки. Они состоят, очевидно, в достижении современного уровня производительности труда в каждом звене производства и управления. Возникают опасения, что намечаемые преобразования могут быть проведены существующей администрацией ради самих преобразований, а их экономическая эффективность будет разочаровывающей.

3. Для перестройки необходим более высокий уровень профессиональных знаний, культуры и компетентности управляющего аппарата. Низкий уровень профессиональных зна-

ний, сложившийся за последние десятилетия, начиная от ученых, руководителей и кончая непосредственными исполнителями — основной тормоз перестройки. Необходимо изменить всю существующую систему учебы: наряду с общим образованием, отдав приоритет и создав стимул для приобретения самых современных знаний в своей профессии. На службу этому и должна быть поставлена демократизация, открытость нашего общества.

4. Необходимо повысить роль образованной научной интеллигенции в перестройке, признав, что без ее активного участия основная цель перестройки недостижима. Пока этот находящийся в тени мощный социальный пласт, отодвинутый на второй-третий план существующим административно-бюрократическим аппаратом, не включится в дело, перестройка в сфере науки и материального производства вряд ли сдвинется с места. Работать на уровне современных требований к качеству может только специалист, затративший много личного времени на обучение и знакомый со всеми новыми направлениями в своей профессии. В настоящее время эти специалисты отодвигаются на второй план мало ком-

петентными «активистами», которые и препятствуют их росту.

5. Сокращение административно-управленческого аппарата путем слияния административных единиц или ликвидации ненужных звеньев в соответствии с требованиями современной науки об управлении, неформальная выборность административных должностей на всех уровнях, от бригадира до министра, по-видимому, могут снять часть отмеченных выше противоречий. Однако окончательно качество любой продукции зависит от качества персонала, а последнее — от качества руководителя. Для замены мало эффективного управленческого аппарата необходимо укрепить и расширить существующую конкурсную систему, освободив ее от давления сверху, многочисленных бумаг, подписанных треугольниками, четырехугольниками и даже семиугольниками, за которыми и скрывается бюрократ, облаченный властью и уже начинающий кое-где перестройку в своих личных интересах. Необходимо обеспечить возможность специалистам выбирать специалиста руководителем на определенный срок.

Юрий НОВИКОВ,
г. Москва.

Обнадеживающее начало

Хочу поблагодарить вас за опубликование материала «Баррикады перестройки». Мне представляются важными не только многие яркие конкретные мысли (пусть даже с отдельными частностями и трудно согласиться), высказанные участниками, но и два проявившихся здесь общих обстоятельства, характерных и для множества других публикаций как этих, так и других авторов — историков, социологов, экономистов, публицистов, — появившихся за последние год-полтора в других журналах.

Во-первых, мы видим, что десятилетия догматизма и господства на-

вязываемых стереотипов не предотвратили формирования независимо, интересно и глубоко мыслящих людей в сфере социальных наук. Достаточно было дать им возможность открыто высказаться, и стало ясно, что у нас в этой области уже имеется немалый интеллектуальный потенциал, столь необходимый для обновления общества.

Во-вторых, видно, что общественно-ведческая мысль порождает свою науку, перерастает в нее. Одной из важнейших черт подлинно научного творчества является сочетание уважения к преемникам и непо-

средственным учителям и критическим отношением к достигнутому ими. Человек, вступающий в науку, понимает, что он должен открыть или понять нечто такое, чего не знали, не поняли или поняли ошибочно прежние авторитеты, как бы искренне он их не уважал и о каких бы важных фундаментальных проблемах ни шла речь. Он знает, что ошибки даже гения не подрывают преклонения перед ним. Ни один физик не перестает восхищаться Ньютоном оттого, что взгляды Ньютона на природу света были ошибочны, или Эйнштейном, не принимавшим новую для него квантовую механику.

Еще одним признаком научного подхода является требование точного определения употребляемых понятий и терминов, особенно таких, которые кажутся совершенно очевидными и употребляются бездумно. Очень часто бывает, что подобные понятия, казавшиеся ранее совершенно не требующими глубокого осмысления, утрачивают определенность и очевидность по мере развития нашего знания и опыта и должны быть определены и проанализиро-

ваны заново. Так случилось и со многими социологическими, политико-экономическими и другими подобными, часто фундаментальными понятиями, которые продолжают употребляться по инерции. В выступлениях ряда участников «круглого стола» внимание правильно сосредоточивалось на необходимости анализировать догматически устоявшиеся стереотипы, потерявшие свое прежнее значение. Это бывает в любой науке постоянно, и общественные науки могут называться науками, только если и в них избавляются от недооценки нового опыта, в данном случае исторического.

Конечно, все происходящее в этой области — только начало пути, но и оно, даже просто осознание необходимости этого пути, очень обнадеживает. За это я тоже благодарен и участникам этого «круглого стола», и другим смелым в своих мыслях, страстным и умным авторам, которых мы читаем в последнее время.

Е. Л. ФЕЙНБЕРГ,
физик-теоретик,
член-корреспондент АН СССР.

Идеология и борьба за мир

Ваши содержательные и довольно смелые публикации все же не затрагивают тех насущных и щекотливых вопросов, без пересмотра которых мы вряд ли продвинемся далеко в борьбе за мир. Самый острый из таких вопросов — место и роль идеологии в современном мире. Из трех элементов любой общественной структуры — экономики, культуры и идеологии — последняя занимает именно последнее место, так как является отражением и обобщением первых двух компонентов. Идеология, выраженная в действии, и есть политика (поэтому правильно говорить и о четвертом элементе общественной структуры).

Что же происходит у нас? Идеология у нас поставлена в противоестественное положение — мы с завидным упорством утверждаем примат

идеологии над экономикой и культурой. Это уже перечеркнуло наши усилия нового мышления выйти на международную арену. Ибо сближаясь с нашими оппонентами в области экономики и культуры, мы продолжаем мушкетировать стереотипный образ классового врага в идеологии.

Вы скажете, что ленинская аксиома о преобладании политической борьбы над экономической вышущается нам со школьной скамьи. Давайте разберемся. Что аксиоматично для одного времени, то может быть догматично для другого; тем более, если речь идет о недопонимании. Да, и тогда, в конце XIX — начале XX века, идеология тоже вытекала из экономики: старое общество препятствовало развитию производительных сил, появилось новое течение общественной мысли, направленное на то,

чтобы радикальным образом устранить обветшалые социальные структуры, привести в соответствие надстройку с базисом. Но это не означало, что на определенных этапах идеология может выйти на первое место. Здесь — аналогия с основным вопросом философии: материя первична, а сознание вторично только в гносеологическом плане, вне его — сознание очень часто бывает первично по отношению к материи.

И потом — раньше было соответствие, логическая связь между экономической необходимостью преобразований и нормой переустройства общества. Сейчас же экономика и культура тянут нас в одну сторону, идеология — в другую, как в классической басне И. Крылова «Лебедь, щука и рак»; посему и воз социального прогресса поныне стоит на том же месте, а если и подвинулся, то совсем немного.

Давно пора набраться смелости и открыто признать, что раз есть определенное сближение между нами и ними в экономике (рынок теперь признан объективно необходимым как для капитализма, так и для социализма, возможно, правда, с некоторыми модификациями), раз есть сближение в области культуры (сюда можно включить и научный обмен), значит, неизбежно должно быть сближение или, не побоимся этого слова, конвергенция в сфере идеологии. Сами концепции, нелепые по сути концепции военного паритета (бесконечно возрастающего) или разумной достаточности (которую можно обосновать при любой гонке вооружений) есть следствие недоверия и страха, естественно вытекающих из идеологического противостояния двух миров. Пока будет такое противостояние — будет страх, будет гонка вооружений.

Давайте-ка, наконец, честно и открыто признаем, что вопрос в настоящее время стоит не о социалистической или капиталистической идеологии (как говорил Ленин в «Что делать?»), а о социалистической и капиталистической идеологиях, сосуществующих и взаимообогащающих друг

друга. Видимо — и это становится все очевиднее с каждым днем — социализм, вопреки пророчествам классиков марксизма, так и не станет всемирной системой. Будущее все-таки за коллективным опытом всего человечества, исключаящим зверства сталинизма или фашизма.

Сталинизм настолько дискредитировал идею социализма, что она вряд ли овладеет умами всего человечества. Но это не означает, что опыт социализма оказался бесполезным. Отнюдь нет. Однако он будет не единственным в будущем храме мирной земной цивилизации. Равно как и опыт капитализма. И социализму, и капитализму придется избавиться от своих худших черт: нашему социализму от репрессивного тоталитаризма Сталина, «ихнему» капитализму — от крайностей индивидуализма и эксплуатации остальных стран. Конвергенция и предполагает сближение лучшего в обеих системах.

Только став однородным — и экономически, и культурно, и идеологически (однородность не отменяет своеобразных отличий и не означает однообразности) — человечество окончательно избавится от страха и взаимоподозрений, которые всегда питают эскалацию военной угрозы.

Вы возразите — мы уже имеем пример однородности капиталистического мира, приведший к первой мировой войне. Согласен, но сейчас совсем другое время на дворе. Опасность мировой войны проистекает из меж-, а не внутрилагерных противоречий двух систем. Не надо устранять эти системы. Надо разумно их сблизить. Ради выживания человечества.

Уверен, что, несмотря на перестройку, мы еще не дошли до обсуждения вопроса о противоположном положении идеологии в нашем обществе. Видимо, в эпоху гласности далеко не каждый глас может быть услышан. Посему и зоны молчания еще остаются. А значит, и мир пока недостижим.

В. САМСОНОВ,
деревня Шахматово
Солнечногорского района
Московской обл.

Если не я, то кто же?

При решении актуальнейшей из задач формирования и реализации глобальной этики — единственный путь, по слову поэта, состоит в том, чтобы возвратиться к началу, к тому, что называется истоком. Впервые источники нравственности обозначил во всей полноте великий русский философ Владимир Соловьев. Это, во-первых, присущее только человеку в силу его рождения чувство стыда; во-вторых, чувство жалости, сострадания к другим людям, способность воспринимать чужую боль как собственную и, наконец, чувство благоговейной памяти ко всему тому, благодаря чему мы появились и живем в этом мире. Все (без исключения) эти чувства под живительным светом разума и образуют то, что мы называем внутренним голосом, совестью или нравственностью. «Голос внутренней совести,— говорит академик АН Грузинской ССР Зурабшвили,— не есть абстракция, а светлейший дар, без которого невозможна жизнь и деятельность человека». Глобальная же этика, естественно, может быть сформулирована и освоена лишь интегрированием индивидуальных соответствующих величин.

Из чувства стыда, которое Маркс назвал самым революционным, вырастает под светом разума принцип самоограничения, философская категория меры или то, что древние обозначали как «ничего слишком». Диалектическое мышление вынуждает нас признать, что самоограничение, которое как отдельный человек, так и все человечество в целом, должны налагать на свою практическую деятельность, ориентировано не только на установление и поддержание экологического равновесия, но также на ограждение духовного начала от безудержного (в противном случае) засилья материального в человеке и обществе в целом. Ибо если человек с младенчества не знает никаких ограничений по ублажению своей плоти, то он неизбежно вырастет, опустившись до уровня бес-

стыдного животного, которое лишь ест, пьет и размножается и готово при этом на все ради собственной ненасытной выгоды. И многие, многие цивилизации утонули в грязи изобилия как раз тогда, когда граждане от «верхов» до «низов» теряли именно стыд.

Чувство жалости, сострадания к другим, часто совсем незнакомым людям, до боли знакомое многим чувство «вины без вины» также является естественным именно для человека. Как раз из этого драгоценнейшего чувства, разрушая все классовые, национальные и иные преграды, пробивается, как цветок сквозь асфальт, принцип всеобщей любви к ближнему. К сожалению, многие до сих пор отождествляют понятия «ближний» и «близкий», а между тем, ближний по изначальному определению, это именно тот человек, который в данный момент времени, где бы он ни находился, нуждается в нашей конкретной помощи. И если этот принцип в конце концов возобладает (а он не может не возобладать, иначе мы все погибнем), то никакое химерное благоденствие «светлого будущего всего человечества» не перевесит, как и предсказывал Ф. М. Достоевский, одной-единственной слезинки безвинно замученного ребенка.

Ярчайшим примером воплощения этого принципа в наши дни является мать Тереза. Свидетельствами того, что и у нас начинает мало-помалу произрастать любовь к ближнему, служат, например, возникновение в Ленинграде Общества милосердия, учреждение и активная деятельность Детского фонда, признание инвалидов на деле равноправными членами общества и многие другие факты и явления.

И еще один глубочайший источник как индивидуальной нравственности, так и человечности всех землян. Речь, совершенно ясно, идет о благодарной исторической памяти, о благоговейном преклонении ныне живущих не только перед павшими

в справедливых боях воинами, но и перед миллиардами совсем неизвестных людей, которые возделывали землю и писали книги, воспитывали детей, бережно хранили и из поколения в поколение передавали отборные семена злаков и высокой духовности. И пусть нынче, пока не поздно, каждый из нас, пройдя угнетающее безвременье и дикое без-

верье, возвысится до чувства своей сыновней зависимости от Разумного Начала природы, ибо, как учит история, только в этом — источник энергии и стимул к дальнейшему развитию человечества. «Если не я, то кто же, если не сейчас, то когда?» (Жанна д'Арк).

Аркадий ГРИНЮК,
г. Тула.

Визит к старой даме, или чего мы боимся?

Размышляя над тем, как вывести нашу страну из состояния застоя, чего мы боимся больше всего? Как бы ненароком не забрести в гости к одной нашей старой знакомой, имя которой — частная собственность. И тому есть весьма серьезные причины: наши ужасно строгие родители, видимо, беспокоясь за нашу нравственность, почти полвека упорно не разрешали нам с ней не только водиться, подобно другим детям человечества, но даже просто смотреть в ее сторону.

Но пришел час взросления. И, хочешь ли хочешь, приходится учиться самим выбирать себе друзей. А для этого нужно, не полагаясь на родительские заветы, попытаться самим разобраться, — а что же, собственно говоря, в этой даме такого ужасного?... Какое тайное коварство несет в себе частная собственность на средства производства, то есть на то, при помощи чего человек производит все на свете материальные блага? Гончарный круг и обрабатывающий центр, нефтяное месторождение и часовая мастерская, железная дорога и крестьянское поле — все это, и, разумеется, не только это, может быть объектом частной собственности.

Так чем же она плоха?

Как объясняли нам еще родители, прежде всего своим честолюбием.

Мелкая частная собственность, когда материальные блага производит сам собственник, постоянно норовит

вырасти в крупную, где непосредственным производителем становится уже не сам собственник, а другой человек — наемный рабочий, который должен отдавать хозяину всю создаваемую им прибавочную стоимость. Это плохо и несправедливо!

Против этого факта нечего возражать. Однако можно заметить, что вообще, и наша милая подруга — государственная собственность на средства производства не лишена этого недостатка. В ее владениях собственник средств производства в лице государства тоже изымает у непосредственного производителя созданный прибавочный продукт.

«Да, но есть принципиальная разница! — заметят верные рыцари нашей государственной красавицы. — Там изъятая прибавочная стоимость присваивается частным собственником, а у нас она в конечном итоге снова возвращается тому же труженику в виде расходов на нужды его обороны, образования, здравоохранения и финансирования экономики, которая работает на удовлетворение его же потребностей».

Все это снова верно. Но может возникнуть такой вопрос: «Интересно, а куда же девают хозяева частной собственности присвоенную ими прибавочную стоимость?»

Как это ни странно, ответ будет практически тем же самым. За исключением расходов на личное потребление частного собственника, которые при всей их значительной абсо-

лютной величине составляют лишь малые доли процента от общих доходов частных фирм и корпораций, присвоенная ими прибавочная стоимость направляется (через налоги) на финансирование общенациональных потребностей (оборона, образование, здравоохранение) и опять на... финансирование экономики, работающей на удовлетворение потребностей всего общества, в том числе, разумеется, и непосредственных производителей материальных благ,— то есть практически на те же самые цели, что и в условиях государственной собственности.

Таким образом, если попытаться ответить на вопрос, кому в действительности принадлежит та или иная собственность, используя критерий: чьи потребности фактически данная собственность удовлетворяет, и чьи цели она фактически, а не по видимости, преследует, то окажется, что не только в случае с государственной собственностью, но и с частной — реальным, действительным, а не мнимым собственником средств производства выступает общество.

И с этой точки зрения не только государственная, но точно так же и частная собственность, является лишь формой общественной собственности. И та и другая, в действительности представляют собой не антагонистов, а лишь две различные формы одной и той же общественной собственности на средства производства. Частная собственность, на самом деле, является не противоположностью общественной, как это принято считать, а ее частным случаем.

То, что частный собственник субъективно может с этим не соглашаться, и теша свое тщеславие, считать себя подлинным хозяином (так же, как считает себя подлинным хозяином и бюрократ высшего ранга в условиях государственной собственности), все же никак не меняет объективного положения дел.

Из всего этого следует, что столь сурово враждующие между собой дамы, как это ни странно, не только

не чужие друг другу, но весьма близкие родственницы — родные сестры.

Единственное их различие состоит в том, что частная собственность вынуждена откупаться от разоблачения своей подлинной сущности, обеспечивая своему мнимому хозяину более высокий в сравнении с другими членами общества, уровень личного потребления. При этом, видимо для того, чтобы надежнее отвлечь внимание от обмана, громогласно этот уровень потребления афиширует. Государственной же собственности нет необходимости скрывать свою общественную природу. И, видимо, поэтому она скромно умалчивает об уровне личного потребления верхнего слоя своих управляющих.

Так чего же мы так пугаемся своей собственной родственницы? Может быть, оттого, что когда-то наши родители с ней здорово повздорили, наговорили друг другу много обидных слов, да если б только слов! И если б только наговорили!... Но все равно, никакие ссоры не могут отменить факта кровного родства. И наша белолицая государственная хозяйка и нелюбимая ею старая дама напрасно делают вид, что знают не знают друг друга.

Так, чего же мы боимся?

Наркомании? Так — увы — этот ядовитый цветок расцвел под покровительством и нашей домоправительницы.

Проституции? И от этого мы не смогли уберечься.

Мафии? Коррупции? Пожалуй, наши хлопковые мафиози могли бы кое-чему поучить своих прославленных заокеанских коллег, например, тому, как прибирать к своим рукам государственный аппарат и правоохранительные органы.

Экономических кризисов? Но восьмидесятые годы окончательно покончили с наивным представлением о безкризисном характере нашей экономики.

Наконец, безработицы? Да, уж чего нет, того нет. Людей, которые бы хотели работать, но не могли, у нас, действительно, нет. У нас другое —

огромное количество людей, которые не хотят работать, хотя и вполне могут... Правда, для общества еще не известно, что хуже...

Так, чего же все-таки мы боимся?

Хотя, боимся-то боимся, но все-таки как-то робко, бочком, боясь за самих себя, но все-таки начинаем ее касаться.

Вот уже появились у легкой промышленности первые конкуренты, рожденные законом об индивидуальной трудовой деятельности. Конечно, силами владельца патента экономике страны не поднять. Но вот уже и не у них — у нас! — замелькало прежде запретное слово — акция! Она является финансовым документом, дающим право на получение части прибыли, зарабатываемой предприятием, то есть, как ни оправдывайся — формой прямого присвоения прибавочной стоимости, то есть другими словами, формой частной собственности. Правда, пока это главным образом не совсем у нас — например в Венгрии, — но первая ласточка порхнула как-то с телеэкрана в программе «Время» и у нас... И, что же страшного произошло? Мы сразу утратили невинность? Наши ослепительно белые одежды покрылись отвратительными грязными пятнами порока? Да, нет. Ничего страшного не произошло. Средства, собранные через продажу акций пошли на развитие предприятия, люди, ощу-

тив прямую материальную зависимость своей жизни от судьбы своего завода, стали лучше работать.

Так, может быть, не так страшна наша старая дама, как ее малюют, а? Конечно, характер у нее явно не ангельский. Но все-таки стоит ли нам так упорно ее игнорировать? Ведь она не первый год живет на свете, и хотя немало нагрешила за это время, но в течение всей долгой жизни довольно успешно справлялась со своей главной ролью — соединяла личный и общественный интерес в одну упряжку, которая уже столько веков тянет вперед нелегкий воз мировой экономики.

«Хочешь быть лично богатым? Ради бога! Но для этого, дружок, удовлетвори какую-либо общественную потребность, какую хочешь, на выбор — хочешь, продавай в розницу газеты и дамскую косметику, хочешь — налаживай производство космических кораблей. Только не зевай, милый, ведь ты не один такой!..»

Конечно, очертя голову кидаться в объятия этой старой дамы не стоит. Женщина она в глубине души очень суровая, даже злая. С непривычки в ее объятиях можно и задохнуться. Но разве нельзя постепенно изучать особенности ее капризного характера и шаг за шагом приручать природный вулканический темперамент?

Александр СКРЯГИН,
г. Омск.

Справа и слева

Летом 1987 года Главное управление народного образования Москвы выпустило брошюру в помощь учителям истории и обществоведения, к 70-летию Октября.

Учительство, надо сказать, привыкло к таким «рекомендациям», очень их ждало и активно раскупило в магазине «Педагогическая книга» по 60 копеек. Не пожалел 60 копеек и я. Ведь мне, работнику периферийного института, интересно, в каком направлении работает мысль столичных методистов, что они советуют своим

подопечным. Москва есть Москва... Брошюра повергла меня в изумление. Не буду распространяться, остановлюсь на страницах 84—85, где даются рекомендации по оформлению школьного кабинета истории и обществоведения. Предлагается оформить стенд под названием «Два мира — два образа жизни», для наглядности разбив его на две части «Социалистический образ жизни» справа и «Буржуазный образ жизни» слева. Далее позвольте привести эти две колонки полностью.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ	БУРЖУАЗНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ
Свободный от эксплуатации труд — основа нового образа жизни	Эксплуатация наемного труда; утилитарно-прагматическое отношение к труду
Полная занятость населения	Рост безработицы
Стабильность цен неуклонный рост доходов населения	Удорожание стоимости жизни, рост цен, инфляция
Социально-политическое и идейное единство советского общества Коллективизм	Обострение классово-борьбы Индивидуализм
Гуманизм	Антигуманизм, социальное насилие по отношению к трудящимся
Демократизм реальный; гарантированность прав и свобод, широкое участие трудящихся в управлении делами государства и общества	Демократизм формальный; попрание прав и свобод человека
Социальный оптимизм	Социальный пессимизм; неуверенность в завтрашнем дне
Планомерность экономического и социального развития	Экономические кризисы; социальные потрясения
Социальное равенство, равноправие и справедливость	Социальная несправедливость
Товарищеская взаимопомощь	Конкуренция
Высокие духовно-нравственные идеалы	Отсутствие идеалов; погоня за наживой
Высокая культура народа; освоение и создание подлинных духовных ценностей	Деградация культуры; разрушение духовно-нравственных ценностей; проповедь насилия, порнографии; безыдейность, растрепанность масс
Утвердившееся чувство человеческого достоинства	Пренебрежение интересами личности во имя чистогана
Интернационализм и патриотизм	Расизм, национализм, шовинизм

Новое руководство КПСС и государства призывает к правде, к ответственному анализу сложившейся ситуации. А в этой схеме? Разве социалистический мир застрахован от повы-

шения цен, разве нет у нас их повышения?

А насчет демократизма реального и формального? Так ли у нас обеспечено широкое участие трудящихся в

управлении делами государства и общества? Нет ли в этой фразе прошлого пустозвонства, отдающего бюрократизмом и формализмом?

Как оценить штамп о «планомерности экономического и социального развития» с выводом январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС о состоянии экономики страны. Или делать вид, что у них там кризисы, а у нас все — «планомерно»?

А насчет социального равенства и равноправия? Разве у нас нет фактов, многочисленных примеров социальной несправедливости, а иногда и беззакония? А насчет высоких духовно-нравственных идеалов при социализме и отсутствия таковых при капитализме? И там они тоже есть, правда всякие, но есть. И другое дело какие? Вот их бы и проанализировать, по-новому, а не с позиции вульгарного социализма и сталинско-

го мировоззрения. Нельзя же так упрощать и вульгаризировать сложные вопросы. Ведь школьники многое знают, понимают, бывают за границей и их родители. Борются за свои права и трудящиеся капиталистического мира, в некоторых странах добиваясь существенных побед. А у нас в школьной методике по-прежнему бытуют набившие оскомину догмы, — как будто бы и не было в нашей стране Апреля 1985 года.

Мне, по долгу службы, следовало бы защитить своих собратьев — столичных методистов. Но не могу, совесть не позволяет. Нельзя же так, товарищи!

О. АНДРЕЕВ,
заведующий кабинетом
воспитательной работы Мурманского
областного института
усовершенствования учителей.

Новые времена, новые люди

Такого на краевых конференциях сторонников мира Хабаровского края еще не было. Слова просили так называемые «неформалы». Рок-группа «Разбитый барьер» из села Бычихи Хабаровского района исполнила две композиции. О чем пели молодые люди? О том, как пристально вглядываются они в просторный, трепещущий, прекрасный и такой опасно беззащитный мир. О том, сколько в этом мире вечно и светлого, трагического и непознанного. О близости невыносимой беды, нависшей над планетой... Они не пели в обычном понимании этого слова, они кричали — во всю мощь своего голоса, многократно усиленного мощными динамиками.

Разные чувства испытали сидящие в зале. Понимание. Недоумение. И даже протест. Наверное, такое протестующее чувство, желание зажмуриться, не видеть и не слышать ничего подобного в рамках строгой конференции подняло с места уважаемого ветерана: «Зачем мы пригласили эту рок-музыку? Неужели нет других песен, других исполните-

лей? Неужели нет у нас другой, настоящей культуры, и вообще, что делают эти юнцы в рядах сторонников движения за мир?» — спрашивал он.

Микрофон взяла председатель Хабаровского районного отделения Советского фонда мира Ирина Назаренко:

— Мне приятно видеть и слышать здесь этих ребят, которые живут в нашем районе. Так же приятно было слушать выступление на конференции бригадира овощеводов из Хабаровского совхоза А. П. Коржа. Вижу свою задачу в том, чтобы объединять усилия всех вот таких совершенно различных людей в борьбе за благородное дело мира.

Аплодисментами встретил зал эти слова. Этот штрих, эпизод работы конференции только подчеркивает, как неоднозначно воспринимается все происходящее в жизни людьми разных поколений. Но как же научиться понимать другие народы, если не умеем понимать друг друга, жить в условиях расширяющейся демократии?

В докладе председателя краевого комитета защиты мира Г. Т. Казьмина отмечалась возросшая в последнее время массовость антивоенных выступлений дальневосточников, разнообразие форм. Это уличные шествия и манифестации, антивоенные митинги, «рейсы мира» на поездах и теплоходах, авто- и велопробеги мира, кампании по сбору подписей под антивоенными воззваниями, которые отсылаются в адрес ООН, международных форумов и конференций по проблемам мира и разоружения.

Особо была отмечена важность антивоенных мероприятий совместно с представителями зарубежных антивоенных движений. Эти акции открыли новый этап в развитии связей с зарубежными борцами за мир и дружбу. Традиционными стали, например, антивоенные, антиядерные встречи советской и японской общественности в Хабаровске, где обсуждаются проблемы антиядерного движения, участия трудящихся двух стран в борьбе за мир и безопасность народов. Прекрасные возможности для диалога по самым различным проблемам дают встречи с пос-

ланцами японской общественности — участниками «караванов мира».

Много внимания на конференции было уделено новому направлению в работе — движению в защиту природы.

Но не только о положительном говорилось на конференции. Немало еще районов, где комитеты, комиссии, активисты действуют слабо, безынициативно. Многие мероприятия, даже сбор средств в Фонд мира, проводятся формально.

Какие же меры нужны, чтобы движение сторонников мира в крае стало действительно «органом народной дипломатии» и нового мышления? Какие новые формы и идеи надо осуществить? Как искоренить формализм?

Ответы на эти и другие вопросы дали выступавшие 29 человек выступили на конференции. Первые столько. И микрофоны в зале были установлены впервые, и обычного президиума не было. И такой заинтересованный, неформальный диалог делегатов был впервые.

А. РУДАК,
г. Хабаровск.

Ходьба на месте?

В марте прошла отчетно-выборная областная конференция тульских сторонников мира. Членам нового состава президиума областного комитета защиты мира были даны рекомендации отбросить избитые трафареты, нестандартно проводить работу, не ожидая указаний «сверху». Включится в решение таких острых вопросов, как проблема защиты окружающей среды. Главное — работать по велению души, активно вовлекать в свое движение молодежь, выступать с собственными инициативами.

Вот с такой инициативой — провести областной марш мира — я обратился к председателю тульского областного комитета защиты мира. Предлагалось начать марш 1 июня, в Международный день защиты детей в городе Новомосковске. Даль-

нейший маршрут следования: Узловая — Шварц — Болохово — совхоз Прилепский — Щекино — Ясная Поляна. Окончание маршрута — 5 июня, в Международный день защиты окружающей среды в Ясной Поляне (утром), затем в Туле. Цель марша — объединение усилий сторонников мира, защиты детства и окружающей среды, сторонников здорового образа жизни. Участники марша в дни встречи в Москве лидеров двух стран имели бы возможность выразить свое стремление защитить мир. И что самое главное — получили бы хорошую практику демократизации в нынешних условиях перестройки.

Когда же комитет защиты мира обратился в Тульскую областную организацию охраны природы к товарищу Синегубову Н. Т. с просьбой

подписать обращение через газету «Молодой коммунар» к общественным организациям и жителям области, то тот, кто уже по долгу службы обязан быть первым в этом марше, уклонился и не подписал обращения. Более того, с помощью телефона и доперестроечных методов воздействия ему удалось быстро убедить работников обкомов партии и комсомола в «ненужности» этого марша. Безотказно сработал механизм торможения.

Инициативу проведения областного марша мира поддержали уже ру-

ководители молодежного объединения «Центр», местные клубы туристов, областной совет общества борьбы за трезвость и другие клубы, организации, объединения.

Борьба за мир на современном этапе начинается с борьбы за перестройку, за человека. Демократизация общества — главное условие успешной борьбы. Марш мира — один из способов выражения демократии.

Петр САВЕЛЬЕВ,
член президиума Тульского
областного комитета защиты мира.

Будет «Ялталенд»?

В марте этого года, когда общественность СССР и Великобритании отмечала 30-летие общества дружбы между народами двух стран, в столицу Крыма Симферополь приехала делегация графства Дербишир, с которым Крымская область породнилась в январе 1987 года. В делегацию входили политический лидер совета графства лейборист Д. Букбайндер, а также Оуэн и Викки Ойстон. О. Ойстон представлял совет предпринимателей графства, его имя входит в список двухсот самых богатых людей Англии.

В Ялте г-н Ойстон вел деловые переговоры с представителями горисполкома. Он предлагает построить гостинично-спортивный комплекс, часть которого будет предназначена для семейного отдыха и включит в себя спортивные сооружения — для игры в гольф и теннис, яхт-клуб, детский парк типа американского «Диснейленда», базу для специальных видов туризма, таких как охота, рыбалка, подводное плавание, верховая

езда, поездки по Крыму и через Интурист — по СССР.

«Здесь, в Крыму,— сказал г-н Ойстон,— самой природой созданы изумительные условия для отдыха людей. У Ялты же своя изюминка — дома старинной архитектуры в окружении парков. Под влиянием деятельности и предложений М. Горбачева я решил внести свой вклад в укрепление доверия и улучшение отношений между нашими странами. Я готов пойти на определенный риск и вложить свои средства в совместное предприятие, привлечь и другие средства из британских источников. Верю, что идущие в вашей стране перемены необратимы, и готов приложить усилия для успеха нашего проекта. Это первое такое начинание в СССР. Если оно удастся, и вам, и нам будет завидовать весь мир».

Юрий ГОРБУНОВ,
председатель Крымского
отделения общества
«СССР — Великобритания».

ОТ ИДЕЙ—К ДЕЛАМ, ОТ ДЕЛ—К НОВЫМ ИДЕЯМ

В апреле с. г. в гостиничном комплексе «Дагомыс» (г. Сочи) состоялась Встреча экспертов по проблемам проверки в рамках Всемирной кампании ООН за разоружение, уже четвертая, проводимая ООН на территории СССР совместно с Советским комитетом защиты мира.

Диалог для прессы ведут помощник министра обороны США посол Роберт БАРКЕР и советский посол по особым поручениям Олег ГРИНЕВСКИЙ

Роберт БАРКЕР: Разумные взаимоприемлемые решения

Р. Баркер: В ходе нашей работы я и мой коллега советский посол Олег Гриневский представили два доклада, которые стали предметом дискуссии на нашем форуме. На меня лично произвело глубокое впечатление то обстоятельство, что наши доклады во многом

идентичны. В частности, они сходятся в оценках контроля — какую роль он играет в проблеме разоружения и насколько эффективны средства его осуществления.

Правда, несмотря на согласие сторон по общим проблемам, остается ряд технических вопросов, которые предстоит еще решить. Более того, когда мы рассматриваем проблему контроля, то приходим к выводу, что у нас не всегда есть практические возможности приступить к осуществлению всего задуманного, даже при наличии искреннего желания прийти к планируемому результату.

О. Гриневский. Впервые в истории человечества создалась ситуация, когда на подходе целый ряд крупнейших международных соглашений. После Договора по РСД—РМД у нас в ближайшей перспективе — заключение соглашения по 50-процентному сокращению наступательных стратегических вооружений при строгом соблюдении договора по ПРО. Практически по всем крупным вопросам мы наблюдаем решительное продвижение вперед; и в области полного запрещения химического оружия, и в деле ликвидации ядерных испытаний, и в вопросах, связанных с началом решительного сокращения обычных вооружений.

Отсюда — актуальность и важность темы контроля. Согласен, тема принципиально важная. И мне отрадно отметить, что за всю послевоенную историю у Советского Союза и США впервые нет принципиальных разногласий в подходах к контролю. Обе стороны считают контроль главной константой системы разоружения. Мы также согласны, что контроль должен быть надежным, дающим уверенность, что договоры по всему разоруженческому комплексу все заинтересованные стороны неукоснительно выполняют. Той же точки зрения придерживается и мой коллега г-н Баркер. Это дает мне основания сказать, что он действует в духе святого Франциска Ассизского, который учил, что встречаясь с человеком, надо думать не о том, что вас разделяет, а о том, что сближает.

Еще одна характерная деталь нынешнего времени. Сейчас к проблеме контроля приковано внимание не только ученых, не только профессиональных политиков, но и самой широкой общественности. Такое единение весьма символично — ведь история не знала более грандиозных задач, чем те, что решаются сегодня.

— На нынешнем совещании экспертов с советской стороны прозвучало предложение о создании международной космической инспекции. Как американская сторона относится к такому предложению?

Р. Баркер. Это предложение не обсуждалось на нашей встрече. Договоры, которые выходят за пределы Европы, имеют глобальное значение, и поэтому нам нужно внимательно проанализировать, как подобные идеи скажутся на решении тех проблем, которые мы здесь обсуждаем. Как вы понимаете, космическая инспекция — дело сложное, и нам наверняка потребуются дополнительные идеи с тем, чтобы мы смогли более продуктивно решать все вопросы контроля.

— Здесь уже прозвучала фраза, что впервые за всю послевоенную историю совпали точки зрения обеих сторон на проблему контроля. Хотелось бы, Олег

Алексеевич, узнать Ваше мнение, чем объясняется столь обнадеживающее совпадение позиций? Что это, реальность нового мышления или случайность?

О. Гриневский. Отнюдь не случайность. Это объективный процесс, происходящий вне зависимости от того, признает его кто-то или не признает. Если говорить более конкретно, то это результат той огромной, напряженной работы, которая была проделана на

Олег ГРИНЕВСКИЙ: Решительное продвижение вперед

встрече в верхах, в Вашингтоне по сближению позиций Советского Союза и Соединенный Штатов в вопросах разоружения и, в частности, в вопросах контроля. Ведь решив такую титаническую задачу, какой является выработка конкретных рамок и конкретной системы контроля по ракетам средней и меньшей дальности, мы заложили основы подхода и практической реализации будущих соглашений по разоружению.

Мы достигли понимания, что на сегодня и для нас, и для США контроль

перестал быть проблемой политической. Он остается лишь проблемой технической. Ни одна из сторон не рассматривает контроль как возможность что-то «подсмотреть» друг у друга. Контроль для нас — это средство получить уверенность в том, что соглашения выполняются. И только. Вот тот дух, та доминанта, которая была выработана на встрече в Вашингтоне.

— Вы утверждаете, что для Советского Союза контроль перестал быть проблемой политической. Но в принципе политические проблемы, прямо или косвенно связанные с контролем, все же остаются...

О. Гриневский. Давайте говорить откровенно. За последние три года мы с позиций нового мышления основательно пересмотрели многие вопросы, касающиеся разоружения и контроля над ним. В чем суть изменений, продиктованных новым мышлением? Как с этих позиций рассматривается наша безопасность, что лежит в ее основе? Старый подход был таков: чем больше луков и стрел — тем надежнее безопасность. Чем больше танков — тем лучше. Чем больше ядерного оружия — тем надежнее. Новое же мышление поставило вопрос таким образом: а лучше ли, а надежнее ли безопасность от того, что накапливается все больше ядерных боеголовок? Ответ на этот вопрос сегодня звучит однозначно: горы смертоносного оружия вовсе не гарантируют безопасность. И безопасность сегодня надо строить не на военном пути, а на пути политическом. Стало быть, это прежде всего поиски путей к решению глобальной проблемы разоружения и взрывоопасных региональных конфликтов.

Что отсюда вытекает? Если мы ставим в основу своей безопасности договор по разоружению, то меняется и отношение к контролю. Не спорю, до недавних пор у нас было весьма осторожное, даже скептическое отношение к этому делу. Но, повторяю, если сейчас во главу угла нашей безопасности мы ставим достижение политических соглашений, то наше отношение к контролю резко меняется. Теперь, не в обиду будет сказано моему коллеге г-ну Баркеру, не американцы, а мы выступаем сто-

ронниками более жесткого, более проникающего контроля.

Я могу напомнить конкретные факты. Они прежде всего связаны с известными нашими предложениями по контролю за ликвидацией РСД—РМД. Да и в области химического оружия наши предложения выглядят более радикальными — надеюсь, г-н Баркер не станет меня опровергать.

— При анализе сложностей, которые все еще остаются при реализации практических соглашений по контролю, какая из этих сложностей выглядит наиболее серьезной?

Р. Баркер: Основная сложность в том, что нельзя выработать универсальную систему контроля, одинаково приемлемую для всех договоров по разоружению. То есть речь идет о том, что в каждом конкретном случае придется садиться за стол переговоров и решать множество новых технических вопросов.

Наши совместные эксперименты в Неваде и Семипалатинске показывают, что можно достичь эффективных результатов. Что касается других экспериментов, то, повторяю, здесь специалистам приходится иметь дело со многими техническими трудностями — как обеспечить взаимоприемлемый эффективный контроль.

О. Гриневский. Главное, по-моему, состоит в нашей договоренности по принципиальному вопросу — о необходимости контроля. А уж какими методами, какими способами контролировать — в этом легче найти общий язык при всем обилии реально существующих сегодня расхождений.

Опять-таки возьмем конкретный пример. Что сдерживает сегодня заключение договора по контролю в области химического оружия? Сама система контроля по сути уже разработана. Вопрос в том, как подключить к этой системе частную промышленность. Здесь приходится учитывать реалии, сложившиеся из разных исторических условий, в которых развивались страны, и различия в их политических системах. Но как бы то ни было, а частная собственность стала сегодня камнем преткновения в решении проблемы контроля химического оружия.

Или возьмем контроль по сокращению наполовину стратегических наступательных вооружений. Вопрос тоже в принципе уже решен. Но и здесь остается проблема — крылатые ракеты морского базирования. То, что их нельзя оставить вне договора, уже ясно. И Соединенным Штатам, и нам. Но у США есть серьезные сомнения, насколько возможно проконтролировать эту часть вооружений. Мы со своей стороны высказали сейчас в Женеве целый ряд соображений, каким образом можно было бы это сделать. Теперь уж дело за американцами — приемлемы ли для них наши предложения.

— Какие разногласия остаются по проблемам СОВ и обычных вооружений?

Р. Баркер. На встрече экспертов мы стараемся не рассматривать проблемы, которые остаются в рамках пока еще не заключенных договоров. Наша главная задача здесь, в Дагомысе, — найти общий язык по вопросам контроля.

О. Гриневский. Говоря о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений, я не касался проблемы СОВ, а упоминал лишь договор по ПРО.

В Договоре же по ПРО, по-моему, все ясно — он должен соблюдаться в том виде и в том объеме, в каком его подписали обе стороны в 1972 году.

Что касается обычных вооружений, то сейчас в Вене вырабатываются условия будущих переговоров. Базовая линия контроля за сокращением обычных вооружений имеется. Но когда дело дойдет до обсуждения конкретных деталей, думаю трудностей окажется отнюдь не меньше, чем при согласовании вопросов по ядерному оружию. Возьму на себя смелость сказать, что это будет даже более сложное дело. Но если мы по-прежнему станем руководствоваться указаниями Франциска Ассизского, то, уверен, сумеем преодолеть любые преграды.

— В чем суть осложнений по контролю химического оружия в связи с упоминавшимся уже здесь статусом частных предприятий?

Р. Баркер. Инспектировать, как вы понимаете, предстоит не только государственным, но и частным предприя-

тия, связанные с производством химического оружия. Причем, это надо будет делать не только в США, но и в Европе, и в Японии, словом, везде, где существуют такие предприятия. Но здесь возникают чисто юридические моменты, связанные со статусом частной собственности, причем в разных странах они различны. Поэтому такие вопросы необходимо будет прежде всего решать на национальном уровне.

— Какую роль играет ООН в решении тех проблем, которые вы обсуждали на дагомысской встрече?

О. Гриневский. Многие эксперты, принимающие участие в работе нашей конференции, склонны считать, что международное сообщество должно нести более высокую ответственность за осуществление контроля в области разоружения. Можно вести речь о создании специальной международной организации по контролю в рамках ООН.

Имеется немало важных соглашений, требующих контроля, но не создавать же для каждого из этих соглашений специальный контрольный орган. Не лучше ли создать единую международную организацию? Тем более, что разные по уровню развития страны обладают далеко не равными возможностями для участия в таком сложном деле, каким является контроль над разоружением.

Р. Баркер. Могу лишь подтвердить мнение моего советского коллеги о чрезвычайной сложности этого вопроса. Сложность в том, что сам процесс контроля многоступенчат. Во-первых, необходимо получить информацию, во-вторых, проанализировать ее и, в-третьих, сделать какое-то суждение: выполняется или не выполняется соглашение. Если первые два момента представляются разрешимыми, то третий — наталкивается на очень серьезные сложности, связанные с политическими моментами. Но если станем ограничивать себя лишь констатацией реальных трудностей, пользы будет мало. Следовательно, остается один путь — иметь разумные, взаимоприемлемые решения — в духе Франциска Ассизского.

Материал подготовил Ш. Юсупов, Сочи — Москва.

Фото Юрия Кельдина.

Все настойчивее звучат призывы к созданию такой системы политических институтов, которая надежно гарантировала бы необратимость демократических перемен. Но чем плоха старая? И откуда возьмется другая? Задаваясь этими вопросами, наши авторы размышляют об общественных, негосударственных объединениях — истинных и мнимых, формальных и неформальных — об их месте в народной жизни, их вкладе в перестройку, их государственном будущем...

Общество — от слова

«общественность»

Нина БЕЛЯЕВА,
кандидат юридических наук

Самое страшное в общественных системах — это создание монополий. Мы понемногу привыкаем к мысли, что социалистическое общество многообразно, что в нем действуют разные социальные силы и интересы этих сил реально расходятся. Мы верим, что общество может в конечном счете объединить интересы всех своих членов — но для этого, даже теоретически, сперва надо выявить их различия. Общество должно сначала себя узнать.

Процесс самопознания, выявления подлинных интересов различных социальных групп, нахождения механизмов их взаимодействия есть процесс становления гражданского общества, которое, по Марксу, должно быть естественной основой современного государства. Для нашего общества на современном этапе это означает, что должна произойти индивидуальная самоорганизация конкретных общественных сил наряду с единой, универсальной политической организованностью общества в национальном масштабе.

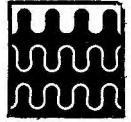
Для этого в политическую систему вместе с партией и государством входят также и общественные организации, занимая, в соответствии с Конституцией,

самостоятельное место. Они-то и должны представить то, что называется мнением общественности, обеспечить представительство на высоком политическом уровне, наших с вами многообразных интересов. Сколько же у нас общественных организаций?

Общесоюзных — около 100, республиканских — примерно двести и еще 800 местных. Не слишком ли скромно для огромной страны? Ведь, например, только перечень видов официально зарегистрированных объединений Лондона занимает несколько страниц справочника, а объединений общенационального масштаба, исключая коммерческие, в маленькой Англии более полутора тысяч... Удовлетворяют ли нас с вами пять видов общественных организаций, перечисленных в Конституции?

ТРАДИЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ

Самая массовая из общественных организаций, профсоюзы, объединяет практически все трудоспособное население. Но часто ли они представляют ваши про-

фессиональные интересы — не путевки в санаторий, не больничные листы, а именно **интересы вашей** профессии? Известно, что профсоюз и не строится по профессии, а образуется по принадлежности к одному предприятию, отрасли, министерству в одном профсоюзе состоят и вахтер, и ученый, и администратор... Решая проблемы распределения премий, жилья, надбавок, бытовые вопросы, профкомы практически полностью зависимы от обладателя материальной ответственности — администрации. Именно потому в последнее время появляются предложения о создании самостоятельных союзов врачей, учителей, юристов инженеров, психологов...

В творческие союзы, теоретически, объединяются лучшие из лучших, чтобы создавать еще лучшие творения. Членство в союзе дает определенные привилегии, опираясь на материальную базу специальных фондов, формируемых за счет всего творческого цеха, поскольку творческие фонды пополняются начислениями на заработную плату всех коллег по профессии, **включая и не членов союза**. Даже покойные классики платят известный процент с тиража своих произведений в те же фонды! Прибавим к этому, что пользование благами, как и членство в союзах, — пожизненное, и те, кто попал туда уже давно, вовсе не заинтересованы этими благами делиться с новичками, а уж тем более выпускать из рук «контрольный пакет акций» на то, что мы обязаны считать хорошим вкусом. Не потому ли в последнее время творческие объединения профессионалов возникают **вне** прежних союзов?

Добровольные общества — более разнообразны, подвижны, менее централизованы, они ближе к реальным интересам — пусть даже только любительским... Но аппаратные методы работы сводят представление об их деятельности к механизму сбора членских взносов, об их реальных делах и успехах общественность знает мало, так как они практически не могут оказать серьезного влияния на общественную практику, не выдерживая неравной борьбы с органами

управления, в сфере действий которых лежат их уставные задачи.

Именно поэтому рядом со структурами обществ охраны памятников и охраны природы возникают самостоятельные экологические и экокультурные группы и организации.

Впрочем, это считается «вредной тенденцией». Ведь есть уже один Союз художников — с невообразимо сложной структурой, где и живописцы и скульпторы, и графики, и керамисты, — для чего другие художественные союзы? Есть уже одно общество охраны природы — зачем еще какие-то экологические движения, дружины, посты? Есть один комсомол — и довольно, все прочие организации молодежи не нужны! Самое удивительное, что в качестве аргумента в защиту собственной монополии всплывает принцип идейного руководства, но разве идейное лидерство когда-либо совмещалось с **зависимостью**? Ведь если молодежные объединения подчинены или хоть как-то зависимы организационно, всякое идейное воздействие просто теряет смысл. Где уж тут идеи, когда довольно принять распоряжение, выдать инструкцию, вынести на пленум заранее подготовленную резолюцию, зная, что оспаривать ее некому — придется выполнять!

Перечисленные виды организаций — традиционные для нашей общественной структуры, и, поскольку не было других организаций, они выполняли функцию представительства, но чем дальше — тем с большим «скрипом», с громадными бюрократическими издержками. Может быть, все дело в общем «социальном плесневении» в период застоя? Но посмотрите на новые организации всесоюзного уровня, не заражены ли они тем же «аппаратным вирусом»? Всесоюзное музыкальное общество и Общество борьбы за трезвость, центральные правления новых благотворительных фондов, громко именующие себя общественными организациями, — при честном критическом взгляде мы заметим у многих вновь создаваемых структур знакомую тягу к монополии — желание возглавлять, управлять, поучать, принимать ру-

ководящие решения и главное — присвоить себе право официально представлять, выступать от имени общности, что на государственном уровне достигается без особых усилий, если для этого выдана гербовая печать.

Что объединяет подобные организации — и старые и новые? Способ создания «сверху», декретирование, без развития социальной базы и отношений членства. Когда сначала создается аппарат «с полномочиями», а потом начинается деятельность по оправданию его существования, вымучивание показательных мероприятий, и навязывание при этом своего организационного лидерства творческим, но «неимущим» инициативным группам.

Так формируется страшный феномен учреждаемой **псевдо-общественности**, которая способна похоронить, растворить в себе самые творческие, самые искренние начинания — от федерации джаза до идеи общества Милосердия.

Такая «общественность» страшна не только своей социальной фальшью, отравляющей общественное сознание, не только дутым престижем благополучных чиновников, отгороженных от членов организации многослойным аппаратом, но их реальной властью, особенно тех организаций, которые близки к механизмам распределения, к «раздаче пряников»; ведь именно от них может зависеть и путевка, и премия, и продвижение по работе, и творческий отпуск, и очередь на жилье. Ведь это они — рядом с теми, кто реально решает, кто должен «замолвить за нас словечко». Ведь они должны представлять наши интересы. Они — наши представители. Постепенно, очень медленно — мы начинаем это осознать. И вдруг приходит в голову — да можно же собраться и их переизбрать!

Но ведь бывает, что и собрать-то некого. Ведь организация типа фонда с платным аппаратом во главе даже членства не имеет — перед кем отчитываться, как их переизбрать? Как поставить финансовое хозяйство фондов под демократический контроль? Начинаем задумываться?

А тем временем термин «общественность» стал уже таким расхожим, таким потертым от употребления, что его дав-

но используют как разменную монету, вовсе не заботясь о его содержании.

...Так сформировалась «общественность», которая вообще никого не представляет. Такая себе тихая, негласная, кулуарная «общественность», посоветовавшись с которой в кабинете, переговорив в служебном коридоре, затем делают дела, громогласно козыряя ее «мнением» на собраниях и конференциях. Здесь и «наша творческая общественность», которую безо всяких мандатов представляют тут и там одни и те же «видные представители». Здесь и «наша широкая советская общественность», которая и знать не знает о том, как кто-то и где-то излагает ее мнение, неведомо как выведенное, сформулированное и вставленное в доклад... А мы молчим. Или сетуем тихоно в курилках. Забывая, что мы тоже — общественность.

А какая общественность — такое и общество.

НЕУДОБНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Вопрос о представительстве интересов — ключевой и едва ли не самый сложный в теории демократии. Сюда входит все: и как правильно организовать выборы в Советы, и как построить работу родительского комитета в школе, и как обеспечить представительство в КПСС интересов рабочего класса. Этот же вопрос — в связи с выборами делегатов на XIX партконференцию. Как обеспечить, чтобы на этом важнейшем форуме были представлены действительные интересы, опасения и надежды партийной массы?

Этот вопрос долго еще будет заманчивой темой для научных разработок. Но пока обществоведы создают в теоретических битвах самую лучшую концепцию представительства, общественность, которую обычно нужно было как-то представлять, — не дожидаясь этого стала заявлять о себе сама.

Начали появляться сначала отдельные инициативные группы, затем их становилось все больше, сейчас они существуют уже повсюду, что позволяет говорить о наличии общественного инициативного движения.

Но — вот парадокс — вместо того, чтобы радостно всплеснуть руками и облегченно вздохнуть — «Ну, наконец-то!» — общественные структуры и политические институты, которые без устали зывали к пробуждению гражданской активности, констатируя, что она год от года все возрастает, почти повсеместно отвергли эти инициативные движения, оказавшись не готовыми к такой «неожиданности».

Дело в том, что неплановая активность оказалась очень неудобной — грозные резолюции ее не убеждали, руководящих указаний она к исполнению не принимала, «под козырек» не брала. Эта общественность оказалась — вот ужас-то! — «неуправляемой», непослушной, хуже того — независимой. А так хотелось снова поуправлять, но надо было — убеждать. А этого не умели. Надо было доказывать, спорить, соглашаться с критикой — делать это давно разучились.

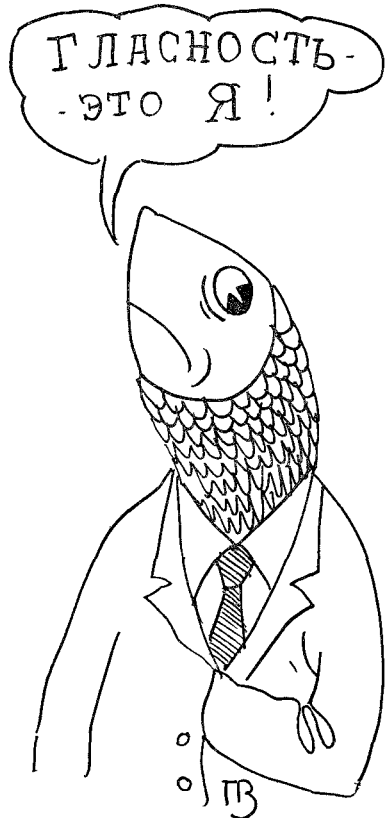
Но поскольку запретить такую активность было уже невозможно, ее решили... ошельмовать.

В публикациях прессы последнего времени заметно опасение смелой инициативы, желание «не допустить разгуда». «Разумеется, инициатива государству нужна, но...» Это вот зловещее «но» обнаруживает, что гимны инициативе в этих статьях были только прелюдией, к основной их теме: «К чему все это может привести». Я думаю, на наших глазах создают и укореняют в общественном сознании образ **неформала-врага**, базирующийся на четырех мифах.

Миф первый: неформалы — это «пена на волне перестройки». Они — не суть движения, а его «побочный продукт». Это неправда. Более четверти века существуют клубы авторской песни, более двадцати — студенческие экологические дружины, почти в одиночку ведущие неравную борьбу с ведомствами-браконьерами. Столько же — коммунарскому движению работы с подростками. Если и было движение в «годы застоя» (термин, которым мы сегодня оправдываем

свое бездействие), то оно было именно в этой, неформальной среде и готовило **перестройку снизу** — чтобы сегодня войти в нее достойно, полноправно, открыто, не заискивая ни перед кем, ни в чем публично не каясь и не перекрашивая знамен.

Миф второй: неформалы — сборище людей подозрительных, антисоциальных, отщепенцев и неудачников, люмпенов без роду-племени, даже «психически больных». Особенно достается при этом социально-политическим клубам, вроде Клуба социальных инициатив (КСИ), «Перестройки», «Общины», где собрались якобы если не безумные фанатики, то враги народа, работающие по заданиям пресловутых «спецслужб»!

На этой и последующих страницах — рисунки Виталия ПЕСКОВА.

Нет надобности приводить досье на всех участников Движения, чтобы доказывать нелепость таких опасений. В социально-политическом движении за перестройку — движении общественных инициатив — образовательный и социальный статус участников весьма высок. Только в составе совета ленинградского клуба «Перестройка» — семь кандидатов наук. Красноярский комитет-содействия перестройке возглавляет Николай Мустонен — старший преподаватель кафедры научного коммунизма. Руководитель семинара «Модели социализма» клуба «Демократическая перестройка» в Москве — Олег Румянцев — сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Активисты движения — работники университетов и академических институтов, экономисты, историки, философы, социологи.

Миф третий: неформалы — временное явление, болезненная реакция на нездоровые явления. Исчезнут причины — и следствие пропадет. Этот миф претендует на научную добросовестность, но в основе его — неутолимая вражда к **множественности форм социальной жизни**, отрицание объективной основы существования этих объединений.

Это — позиция неисправимого монополиста, который под «нездоровым явлением» имеет в виду, в сущности, общественный диалог!

И наконец, четвертый миф — рассчитанный, собственно, на прямую конфронтацию с гражданами. Я говорю о прямых или косвенных намеках на то, что большинство неформальных объединений — если не все! — нацелены на подрыв политической системы, являясь чуть ли не оппозиционными партиями в зародыше и носителями общественного раскола.

Этот миф рукотворный и целенаправленный, провоцирующий нас на конфликт, загоняющий в тупик естественное сотрудничество разных социальных сил. Перед нами своего рода «апокалипсис для управленца», которым успешно запугивают растерявшийся аппарат, недостаточно активно, якобы, борющийся с «этими экстремистами». Миф рассчитан на страхи и темные страсти, а расправа с ним на полную некомпетентность пуб-

лики и отсутствие правдивой информации о неформальных группах. Чтобы рассеять его, достаточно обратиться к их документам. Что мешает предать эти документы гласности — не в фальсифицированных выдержках, а в полном объеме? Что мешает, например, опубликовать стенограммы и документы Первой информационной встречи-диалога неформальных групп «Общественная инициатива в перестройке» — события, о котором написано и сказано — гласно и келейно — столько нелепых домыслов и откровенной лжи, что становится известно за авторов?..

Сейчас неформалы уже входят в моду. О них говорят, пишут статьи и обзоры, создаются комиссии и группы по их изучению; в обществе складывается настороженно-любопытствующее к ним отношение. Но поскольку само словечко «неформал» таит в себе вызов всему окружающему, его заменяют более общим понятием — самодетальные объединения, что в принципе более верно, зато с успехом используется для мимикрии нашими старыми знакомцами, изборающими «общественность».

Я думаю, «неформал» — не социальная, а психологическая категория, формулирующая отказ гражданина от навязываемых ему форм существования. И хотя «нонконформность» стала у наших психиатров едва ли не диагнозом, щедро присваиваемым активистам молодежных групп, рискнем спросить: не достаточно ли нам уже конформистов? Не с их ли единодушного согласия мы бодро, под барабанную дробь зашагали в социальные тупики? Ведь наш «бюрократизм», который все дружно клянут, не фельетонный старичок в сатиновых наруквиниках — наш бюрократ молод, порист, страшно самодоволен и самоуверен; и конформизм — его родная стихия. А общественный бюрократ во сто раз страшнее. Под флагом «общественности» он рвется на передний край, где заметнее и престижнее, но действует всегда с оглядкой, тщательно согласовывая все инициативы, рецензируя самые скромные мнения и оценки, осуществляя всю деятельность в заранее отведенных бюрократических рамках. Как мы привыкли к этому слову! «В рамках проводимого фестиваля, встречи, сове-

щания...» А если за рамки? Если они тесны?

А вот этого нашему конформисту уже не надо, ему ведь не важно, куда мы в конце концов придем — когда это будет! — важно, как его **сегодня** оценят те, от кого зависит его продвижение.

Не принимая формальных, бюрократических «рамоч мероприятий», новая «неформальная» общечеловечность часто выступает как **общественность протестующая**, хотя именно ею и именно теперь, как никогда до этого, движет конструктивный, созидательный пафос. Однако прежняя система союзов и организаций не может, не хочет и не дает его использовать...

Избыток протеста объясним: механизм протеста проще, он не требует разработанных форм и специальных процедур, а причин для него хоть отбавляй: экономические проблемы, угрожающая экологическая ситуация в ряде районов, варварское разрушение культурного наследия, небеспеченность гражданских прав... Почему мы вдруг так испугались инициативных демонстраций? Элементарного института демократии, отвоёванного пролетариатом в качестве важнейшего способа выражения общественного мнения, с гордостью внесенного в первую нашу Конституцию

и исправно воспроизведенного во всех последующих? Почему же каждая заявка на инициативную, неплановую демонстрацию — это ЧП? Почему так усиленно ищутся предлоги для отказа? И нет ничего странного и возмутительного, когда бессильные в правовом отношении, не имеющие действенных каналов политического влияния, неформалы защищают уникальный памятник архитектуры, образуя, взявшись за руки, живую человеческую цепь перед ползущим на них бульдозером. Когда возникает ситуация, где нам отказали прежние, «традиционные» механизмы социальной защиты, где изменили либо оказались бессильны призванные к действию добровольные общества, эти «неуравновешенные граждане» — наша с вами надежда.

Они не пройдут мимо примелькавшейся уже несправедливости, бесцердечия к людям, варварства к природе, истребления культуры, унижения достоинства. Они замечают то, к чему мы с вами давно притерпелись, сдались, согласились. Они не ждут, пока по этому поводу будет принято соответствующее постановление. Не могут ждать. Так возрождается подлинная форма политического участия — гражданское действие.

НА ПУТИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Откуда вообще взялось это деление на «формалов» и «неформалов»? Старый штамп о противопоставлении официального неофициальному застрял в нашем сознании с того времени, когда органы власти и управления постепенно отчуждались от человека, выступали в роли принудительной силы; все, что затрагивало интересы профессионального управления, воспринималось настороженно, с недоверием, даже враждебно. Вторая сторона платила тем же. Стереотип закрепился. Но ведь вся азбука и логика социализма построена на активности граждан.

Политическая структура и инициативные общественные движения не могут противоречить друг другу! Более того, они друг другу необходимы.

Общественным инициативам, если они хотят действительно влиять на политический процесс, нужно либо находить свое место в политической структуре, либо действовать через уже существующие институты.

Но еще больше сама политическая система нуждается в общественных движениях, их реальной социальной базе, для сохранения своей представительности, то есть адекватности гражданскому обществу, а значит — устойчивости, стабильности. А также для постоянного обновления, смены устаревших форм, институтов, функционеров.

Политические структуры не могли не почувствовать выгоды такого взаимодействия, хотя для этого нужно обладать определенной дальновидностью. Но не все оказалось способно на конструктивный диалог, который требовал известной политической культуры, самокритики, готовности идти на компромиссы, искреннего желания развивать равноправное сотрудничество.

Приятно, что одним из первых таких институтов — вполне официальных и политических — стал СКЗМ.

Разве мало было у Советского комитета защиты мира общественных образований, которые уютно пригреблись поближе к центральному аппарату? Целых двенадцать «общественных комиссий», официально утвержденных и руководимых на уровне заместителей председа-

теля СКЗМ. Для «представительства» вполне достаточно. Но честный анализ требовал признать — живое движение идет мимо. И вот с трибуны пленума СКЗМ, проходившего 4—5 марта этого года, провозглашен курс на сотрудничество со всеми, любыми самодельными организациями и движениями, в центре и на местах, поддерживающими миротворческие принципы борьбы за ненасильственный, экологически чистый и гармоничный мир. Пленум призвал не ограничивать советское движение за мир лишь антивоенным движением и превратить его в движение граждан за строительство нового образа жизни, во всенародное общественное движение за перестройку.

Для участия в пленуме были приглашены и получили слово представители неформальных общественно-политических клубов — «Демократической перестройки», Клуба социальных инициатив, Информационного центра интербригад, ленинградского объединения «Эпицентр» и «Дельта». С трудом начинался этот диалог. Надо отдать должное терпению и мужеству обеих сторон, не допустивших его превращения в конфронтацию. То был разговор граждан, равно представляющих советскую общественность в решающее для судеб страны время.

Пусть у нас будут разные мнения! Будем спорить, сомневаться, убеждать, находить решения. Социализму не нужны функционеры, готовые «взять на вооружение» любой очередной лозунг. Нужны активные, компетентные, свободные люди свободного гражданского общества, полностью отдающие себе отчет в сложившейся ситуации и принимающие всю ответственность за ее развитие на себя. Как сказала на пленуме СКЗМ Елена Зелинская из ленинградского «Эпицентра», «Мы все пьем одну и ту же воду!»

ЛЮБИТЬ НЕФОРМАЛОВ!

Я постепенно привыкаю к упрекам, что «слишком люблю» неформалов, слишком горячо их защищаю.

Любить или не любить — дело личное. У каждого на то есть свои причины. Но их нельзя не замечать. Нельзя,

говорил Пушкин, «впадать в слабоумное удивление перед своим веком». Но лучше ли впадать в слабоумную вражду со временем, переходя в наступление против всего странного и непонятного?

Движение общественных инициатив существует, из каких бы форм оно ни складывалось и в какие бы образы, клубы и имена ни воплощалось. Риску сказать, что это одно из самых ценных явлений нашей социальной действительности. Собирательное имя у него одно — общественность. Но не привычная — учреждаемая и управляемая, а порожденная инициативой, которая имеет свое мнение и умеет его формулировать и которая теперь ищет путей в конструктивное участие — ощутимое не только в виде листков с заявлениями, но в реальных переменах, осязаемых гражданами в повседневной жизни. Поэтому остро необходимо формировать новые, возрождать и расширять старые каналы влияния общества на принятие управленческих решений, на весь политический процесс в целом. Для этого необходима серьезная реформа законодательства, в том числе об общественных объединениях, создавая которые нам не грех поучиться и у зарубежных друзей, познакомиться с англо-американским правом, разработавшим целую систему механизмов для органичного включения гражданской инициативы в политическую практику. Для этого нужно сме-

нить саму правовую доктрину и вместо забора правовых ограничений создать «правовой коридор гарантий», чтобы в рамках этого коридора свободно развивались саморегулируемые процессы, отечающие сущности социализма и идущие ему на пользу. Ибо социалистическое государство и вся политическая система только тогда будут эффективны, если смогут твердо стоять на почве социалистического гражданского общества, общества информированных, политически грамотных, самостоятельно решающих свои дела граждан.

Мы еще долго не сможем расстаться с традиционными структурами, которые милы не только бюрократу, но и тому тихому, послушному, управляемому гражданину, которому никогда не хотелось думать, творить, рисковать.

Но сквозь трещины асфальта отживших структур уже повсюду пробивается новая общественность — живая, горячая, человеческая — настоящая. Которая не боится брать на себя ответственность и своим конкретным гражданским действием отмеряет первые шаги к созданию гражданского общества. Для нас.

Нужно ли этому мешать? Или лучше отсидеться тихо — чья возьмет? Или все же попытаться определить свое место в том, что называется общественным движением? От этого выбора будет зависеть, какая у нас получится общественность.

А следовательно — и общество.

КСИ И ДРУГИЕ

Вячеслав ИГРУНОВ

НЕДОЛГИЙ ВЕК «НЕНАСИЛЬСТВЕННОГО МИРА»

Он просуществовал недолго, этот клуб. Всего несколько месяцев. Но его успела заснять съёмочная группа из Франции «Антенн-2». «Демонстрируются», — напишет не в меру ретивый борзописец, и сорвет улыбки солидной публики, не запятившей себя в сомнительных, то бишь, бесплодных и мимолетных начинаниях. Да, да, бесплодных, подчеркнет с трибуны «Перестройки» очередной комсомольский оратор и призовет нас отечески: «Хватит разговоров, ребята! Давайте заниматься делом!»

Какое уж тут дело, когда совсем юные ребята и девушки рассказывают о себе и спрашивают друг о друге, спорят на темы, которые иной советчик, переходя к делу, давно уже исчерпал для себя? Всюду только и слышишь: где ваши дела, неформалы? А неформалы танцуют под современные ритмы и пьют (в наше противоалкогольное время!) не только чай и восхитительную «Фанту»...

Они задают вопросы: «Будет ли Германия единой?», «Есть ли в Советском Союзе государственный антисемитизм?», — и тут же переходят к проектам международного кооператива, которому не суждено воплотиться в жизнь. И вина ли это юных мечтателей, строителей воздушных замков, пленников грез?

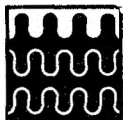
— Мир запутался в стольких противоречиях, что разрешить их на правительственном уровне не представляется возможным, — говорит один из неформалов Г. Пельман. — Поэтому и охрана мира, и экономическое сотрудничество, и сохранение среды обитания сегодня дело не только правительства, но и народов. Ответственность, лежащая на каждом из нас,

побуждает действовать в самых широких рамках. Будущее больше зависит от народной дипломатии, от широкого международного сотрудничества на уровне небольших социальных групп, чем от политической игры правительств...

Разве не характерно, что слова «болтающих» неформалов уже не противостоят словам руководителей страны, а идут как бы следом за ними? И время, когда идее, чтобы быть отвергнутой, достаточно было родиться вне стен Учреждения, прошло. Эта изменившаяся общественная атмосфера если и не привела к массовому рождению общественных инициатив, то, по крайней мере, вызвала множество попыток реализовать себя в собственных проектах. Это относится и к проекту «Ненасильственный мир».

Но как реализовать свой проект? Ведь мы десятилетиями жили в бесструктурной социальной среде, среде, где были стерты горизонтальные связи, и все мы вписывались не столько в общественный организм, сколько в управленческую иерархию. И в этот вязкий аморфный мир вторгаются сегодня неформалы, создавая в нем центры кристаллизации, центры объединения людей инициативных, озаренных идеями. Не находя готовых структур, по которым они могли бы распространять свое влияние и реализовать замыслы, львиную долю своей энергии они тратят на поиск единомышленников, поиск хоть какой-нибудь крыши, под которой можно провести несколько часов в неделю. Многие проблемы практически неразрешимы и сегодня. И кто знает: не станут ли они еще более безысходными, когда будет принят новый, таинственно разрабатываемый, закон о самостоятельных объединениях?

Удивительно ли, что в таких услови-

ях многие клубы распадаются, едва возникнув, а другие, просуществовав недолго, не оставляют после себя следа того «реального дела», которого так ждут почему-то именно от неформалов? Удивительно, скорее, что они все же возникают и, распадаясь, возрождаются вновь. Пристально наблюдая за происходящим в неформальной среде, обнаруживаешь, что губительные условия не сламывают самых изобретательных. Переходя из клуба в клуб, они структурируют среду и переносят опыт из одной группы в другую, учась на прошлых ошибках и генерируя организующие идеи. Не довольно ли и этого дела? Дела, которого не сделало само время!

Нам не следует предъявлять претензии к тем, кто создает эфемерные кружки и недолговечные клубы. И меня возмущают ситуации с дурным отношением повторяющиеся в ряде телевизионных программ, когда какому-нибудь энтузиасту, изобретателю на его жалобы чиновник отвечает упреком: виноваты вы сами, не проявили бойцовских качеств. Вот так! Мало ночевать на предприятии, мало предложить блестящую мысль — надо еще оказаться бойцом! Иначе — сам виноват! Сколько прекрасных идей загублено так и сколько людей потеряло веру в свои силы и в разумность мира!

Сегодня мы подходим с подобными мерками и к неформалам. Не страшно ли нам на корню загубить новое и многообещающее движение? Не лучше ли искать в неформалах партнеров? Именно так поступила Советская социологическая ассоциация АН СССР, учредив КСИ (клуб социальных инициатив).

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ КСИ!

Сегодня часто спрашивают: кто входит в ваш клуб, сколько вас после полутора лет существования? И бываю удивлены, узнав, что всего десятка два, немногим более. И столько шума? Быть может, известность КСИ — плод саморекламы? Из-за чего так волнуется

центральная пресса? Подобное волнение оправдано: концепция КСИ необычна для нашего общества. Поэтому начнем с примера.

Сегодня многие знают о программе и обществе «Милосердие». Но мало кто догадывается, что эмбриональный период развития этой программы прошел под крышей КСИ. Первоначально она казалась безжизненной: в пылу борьбы за лучший мир мы растеряли склонность к сочувствию, внимание к отдельному человеку сменилось вниманием к великим идеям, к классовым идеалам. Мы строили светлое будущее, а на его задворках страдали и прозябали маленькие люди — старики, инвалиды, сироты. Трудно было представить, как горстка энтузиастов, выходящих в пятером, десятером на первые субботники милосердия, сможет повернуть взоры людей на «мелкие» проблемы обездоленных. Трудно сказать, как сложилась бы судьба программы, не увидев в ней активисты КСИ нравственной основы возрождающегося общества. И по призыву клуба на субботники стали выходить не только его члены, но и те, с кем клуб связан в повседневной работе. На обращение КСИ отозвался еженедельник ЦК ВЛКСМ «Собеседник». Это программа поддержана центральным телевидением и мощным призывом Даниила Гранина. Она жизнеспособна теперь, но КСИ... КСИ занят инициативами, ростки которых сегодня так же слабы, как некогда ростки «Милосердия».

Два года назад несколько человек, не связанных друг с другом, воодушевленные идеей рабочего самоуправления, искали возможностей практического испытания своих предложений. Когда Владимир Корсетов и Павел Кудюкин встретились на заседании КСИ, родилась программа «Самоуправление». Сегодня это межклубная группа, на счету которой всесоюзная конференция, организованная ССА АН СССР совместно с КСИ, более двух десятков человек, проводящих на нескольких предприятиях Москвы эксперименты по выборам советов трудовых коллек-

тивов, обширный диалог с рабочими клубами всей страны.

В рамках КСИ сложился проект «Гражданское достоинство», зародилась и выросла плотью Федерация социалистических общественных клубов. Еще больше реализовано проектов, которые, подобно «Ненасильственному миру», существовали недолго и передали будущему только фрагменты своих идей.

Но, пожалуй, характернее всего для работы КСИ проведенная им при поддержке МКГ КПСС Первая информационная встреча-диалог неформальных объединений (август 1987 года). Эта встреча стала своеобразным толчком во взрывообразной эволюции движения общественных инициатив. В ней приняли участие более 300 человек, представлявшие 50 клубов и 12 городов. А после встречи — сотни писем, телефонных звонков и, без преувеличения, тысячи встреч. Возникновение новых клубов, стремительный рост прежних, изменение ориентации и персонального состава, установление сети связей, простирающейся во все концы страны, — вот ожидавшийся и, все-таки, оказавшийся неожиданным результат встречи.

И что же КСИ?

Августовская встреча-диалог стала переломной для клуба. Стимулировав возникновение движения и вовлекая в складывающуюся сеть все новые и новые группы, КСИ пытался абсорбировать всех, кто нуждался в помощи и защите. Клубы и группы едва ли не со всей страны становились его ассоциированными членами. Но то, что до августа было естественным, теперь оказалось непосильным бременем для клуба. Будучи вовлеченными в множество проектов одновременно, члены КСИ фактически были лишены возможности координировать свою деятельность. Вместо объединения усилий, клуб стал терять единство. Из него выпало необыкновенно разросшееся молодежное объединение «Община», для которого пребывание в рамках КСИ потеряло смысл. Перед клубом замаячила перспектива быть растащенным по частям.

26 февраля 1988 года состоялось совместное заседание Совета КСИ и Совета учредителей, на котором была об-

суждена новая, по сути — реально действовавшая и прежде концепция клуба. Главной ее чертой стал отказ от постоянной структуры — идея необычная для самостоятельного движения, поэтому резонно спросить: что это значит на практике?

Вот что. Члены-учредители КСИ, в большинстве своем — профессиональные экономисты и социологи, изучая социальные процессы, остаются гражданами и не желают ограничивать свое участие в развитии общества научными рекомендациями. Они активно включаются в формирование тех структур, необходимость которых выявляется в их исследованиях. Они готовы вносить в уже сформированные структуры свои идеи, передавать свои знания и опыт. КСИ оказывается как бы яслями для молодых общественных групп. Но из ясель вырастают. Как только КСИ или организованный им клуб почувствуют, что этот последний твердо стоит на ногах, формальная связь между «опекуном» и «опекаемым» рвется. Так нужно клубам: чем дольше ходишь на помочах, тем нетверже походка. Но это жизненно необходимо и самому КСИ.

ЧТО ВОЛНУЕТ КЛУБЫ!

Я помню времена, когда одним из достоинств человека считалась неизменность взглядов. Сегодня я готов рассмеяться в лицо каждому, кто воспоет эту добродетель. Человек, который ничему не учится, может быть и тверд, но тверд, как дуб. Сегодня же, в условиях стремительного развития, взгляды человека на общество претерпевают постоянные изменения. И в обгоняющей эволюции мировоззрения теплится наша надежда на то, что справимся с катастрофическим развитием нашего социума, человеческого общества, биосферы.

Сегодня очень часто раздаются вопросы: чего вы не можете поделить? Вас так мало, быть может, всего тысячи две, а вы разбиты на десятки клубов. Почему бы вам всем не объединиться? А клубы не только не объединяются, но и напротив — то и дело раскалываются. И это касается не только КСИ.

Давно ли разделилась московская «Перестройка»? И вот уже в кризисном состоянии клуб второго поколения «Перестройка-88». Примеров несть числа. В чем же дело?

Клубы существуют не для того, чтобы заниматься разговорами, хотя зачастую на дискуссионных заседаниях доминируют те, кому надо выговориться. Удивительно ли? — За спиной десятилетия молчания. Но те, на ком клубы держатся, и пусть простят меня участники движения, те, на ком паразитируют говоруны, это люди безусловно глубоко обеспокоенные нашим развитием и нашим будущим. Условия, способствующие перестройке, способствующие нашему возврату в нормальное русло исторического развития, для них и проблема исследования, и проблема формирования. Но можно ли действовать совместно, не имея общего представления о том, с чем ты сталкиваешься и чего хочешь? Плюрализм, говорит вице-президент Социологической ассоциации, один из учредителей КСИ, Борис Ракитский, хорош для беседы, для работы необходим круг единомышленников. Так думают многие, и мало кому удается работать иначе.

Но вот общего представления, общего видения сейчас нет. Когда табу на свободное слово было снято, вдруг обнаружилось, что едва ли не самое главное, что мы потеряли за последние двадцать лет, это ясность. Ясность утеряна на всех уровнях. В любом слое народа, в клубном движении, в среде руководителей, в науке нет определенного представления не только о механизмах функционирования экономики или других общественных институтов, но и о целях.

Каков наш образ будущего? Во имя чего осуществляется перестройка? Та-

кое впечатление, что в сознании многих процесс — перестройка — сам занял место отсутствующего идеала. Разумеется, это лучше, чем следование предвзятым концепциям, но сегодня, когда одновременно запущено множество конкурирующих процессов, нам нужны и широкий стратегический замысел, и постоянная готовность к пересмотрам.

Необходим образ мира, к которому мы стремимся. Необходимо представление о том, чем же является перестройка во всех ее аспектах: экономическом, политическом, социальном, культурно-этическом: недопустимо, чтобы опять мы свели все к эффективному управлению производством. В конце концов пора осознать, что структура нашего общества, его цели, культура должны быть ориентированы на человека и носить духовно-нравственный характер. К сожалению, слишком часто приходится читать и слышать, что Административная Система или иной политический монстр просто-напросто не справились с управлением экономикой — и автор готов призывать новых

варягов. Так не лучше ли открыть для себя реальное разнообразие форм человеческого труда и жизни? Эти формы будут также неповторимы, как неповторимы способности их создателей, руководителей, как неповторимы характеры исполнителей. Из соревнования, сравнения, изучения их будут возни-

кать и формироваться оптимальные варианты. И чем больше таких вариантов останется — тем лучше: тем больше людей сможет найти «свою» нишу и работать, не ломая ни свой характер, ни привычки, освобождая себя едва ли не от самого сильного из ежедневных стрессов — стресса **принуждения**.

Прежде, когда была ясность, мы более или менее решительно двигались вперед, не оглябая препятствий — мы брали их грудью, сметая с пути и не спрашивая о цене, ибо мы знали: лес рубят, щепки летят! Мы очень широко пользовались лозунгом: «Кто не с нами, тот против нас». Исторические последствия этого известны.

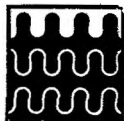
Отсутствие ясности — это болезнь разделенного общества, но люди — люди бывают разные. Многочисленные рецепты заполняют наш мозг. Тот, не принимая ошибок и преступлений прошлого, с полной определенностью готов отменить все, ныне существующее. Другой, видя утраты, призывает вернуть миражи прошлого, снабдив их вполне реальной дубиной. И вот, такие «ясно видящие» инициаторы то организуют боевые отряды афганских ветеранов для борьбы со спекуляцией и проституцией, то проводят демонстрации, призванные подогревать ненависть. По пути ли им с теми, кто больше не готов «сметать со своего пути», кто не готов платить цену, которая обесмысливает идеалы? Восходящие и нисходящие социальные потоки в довольно короткий срок способны разрушить устоявшуюся структуру общества, а быстрые перемены грозны тем, что психология и идеология людей не успевают адаптироваться к новым условиям. Знать об этом надо и надо уже сейчас думать о механизмах компенсации, как экономических, так политических и идеологических. Но следует ли этого панически бояться? Ведь ненапряженного пути к изменению общества, увеличению вклада новых групп в развитие экономики нет. Вообще, наивно полагать, что серьезные социально-экономические сдвиги возможны без нравственных и эмоциональных потрясений в рамках всего общества. Надо лишь четко осознавать их неизбежность и выбирать оптимальные решения, позволяющие избежать растерянности. Мы же, желая всячески ускорить пере-

стройку уговариваем сомневающийся и затуманиваем социальные жертвы для убедительности. Нельзя сделать шаг, не зная, каким будет другой, поэтому действия «ясновидящих», одержимых, провоцирующих необдуманные действия, это не только этически неприемлемая для многих клубников позиция, — это прямая угроза всем нам.

И вот тут я хочу сказать, что утрата ясности, это и приобретение. Ибо это дает нам возможность слышать другие голоса, а слышит тот, кто слушает. Размышляющий говорит негромко. Слышнее голоса тех, кто кричит, возвещая стук истины в своем сердце. В итоге, в клубах выделяются «крикуны», зовущие то на площадь, где есть простор их голосу, то в учреждения, где они готовы крушить бюрократов. Им не ужиться с нами, кому страшно дразнить чудище, одолаемое страстями. Расколы становятся почти неизбежны. Их избегает пока «Мемориал», поставивший благородную задачу увековечить память жертв сталинского времени. «Перестройка-88» вырабатывает совершенно необычный устав, позволяющий работать вместе внутри клуба даже противникам, но не давая возможности никаким голосованием навязать решение даже одному человеку. «Перестройка-88» выбрала путь, на котором видится образование мозговых центров гражданского общества, которых нам так не хватает в бурно развивающемся и непонятном мире. Получится ли это у нее? Посмотрим. Но КСИ решил не ждать — и стал инкубатором клубов, способных превращаться в такие центры.

Нам нужны островки свободы мысли. Даже если они немногочисленны, они способны противостоять бесчеловечной ясности одержимых, а падение их будет иметь результатом сон разума. Есть спрос на оптимизм — и он удовлетворяется. Но когда появится спрос на истину? Когда мы научимся встречать трудности грудью с открытыми глазами, а не прячась и получая удары в спину?

Нам пора принять новую философию ответственности. Ответственности внутренней, основанной не на повседневном контроле и наказуемости, а на сознании причастности к великим и опасным процессам истории.

« ПЕРЕСТРОЙКА »

Андрей ФАДИН

В ПОИСКАХ НЕОБРАТИМОСТИ

Помню, в 70-е годы мои сверстники начинали читать газеты с последней страницы — спорт, курьезы, прогноз погоды. Вне конкуренции по «читаемости» была программа ТВ. Те, кто особо интересовался политикой, переворачивали одну страницу и читали международные новости: политика была именно там. Только там. Переворачивая следующую — просматривали заголовки. Внутренние «новости» вызывали тоску: сколько сельхозтехники отремонтировано к севу, сколько угля добыто сверх плана... Иногда на этих страницах ругали диссидентов. Политика наша, внутренняя, этим и исчерпывалась. Не было ни борьбы идей, мнений, ориентаций, ни драматических конфликтов в аппарате, ни столкновений интересов социальных групп, ни тем более (господи, помилуй!) межнациональных коллизий.

Кто хотел узнать о нашей собственной реальной политической жизни хоть что-нибудь — включал по вечерам приемник, часами пробиваясь сквозь колючку глушилок — к «Голосу Америки», Би-би-си, «Свободе», да все равно к чему — хоть к радиостанции Монако, только бы узнать, почему вдруг так неожиданно сняли Подгорного или Кириленко, почему «сам» не поехал на похороны Машерова, когда ожидать повышения цен да и что вообще происходит в мире.

Лишь большие знатоки, «профессиональные читатели газет», умели что-то вычитывать между строк, по-своему истолковывая, почему, например, «члены» перечислены в таком порядке, а не другом.

Не то сейчас.

Газеты читаются от корки до корки, а если что читатель и опускает, то скорее как раз сообщения о том, кто кого обошел на «праймериз» во Флориде. Что там Дукакис, Буш или Миттеран! Интересно, конечно. Но вот рядом, на соседней странице — рассказ о попытке самовыдвижения кандидата в депутаты Совета, или репортаж из Еревана, Степанакерта или Алма-Аты, вот — невероятная история советского эмира с чертами Папы Дока и «крестного отца» «Коза Ностра» одновременно! Рядом — дискуссия о политической реформе Советов, о законе, регулирующем деятельность кооперативов, — это все нас касается куда больше, чем выборы во Флориде.

Стало интересно читать в газетах о себе. Вернее так: мы, наконец, стали интересны себе сами. Многого, наконец, назвали своими именами, а ведь называть — часто означает расколовать. Но...

Не все можно изменить в себе по собственному желанию. По крайней мере, сразу. Политическая культура складывается веками, а меняется — десятилетиями. Тайны политической механики, туман недосказанности, ощущение зыбкости, **обратности** нашего распрямления — все это присутствует в атмосфере нашей сегодняшней жизни.

Три недели между появлением статьи ленинградского преподавателя химии Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами» («Советская Россия», 13 марта) — и появлением в «Правде» статьи «Принципы перестройки: революционность мышления и действий» (5 апреля) стали временем тре-

возного проявления внутренних слабостей перестройки показателем недостаточности механизмов мобилизации ее сил.

Казалось бы ничего не произошло: ну, напечатала одна центральная газета письмо в редакцию человека, консервативно настроенного, недовольного крушением некоторых идеологических догм. И правильно сделала — ведь думают-то так многие, позиция-то такая существующая.

Но почему же вдруг холодом так потянуло, почему люди, «добросовестные читатели газет», переглядываясь, со странными усмешками начали перебрашивать фразочками типа:

- Ну, что, никак началось?
- Да, недолго музыка играла...

— А я всегда говорил: когда все цветы распустятся — их очень удобно будет срезать...

Неискушенному в нормах и обычаях советской политики западному человеку и не понять, почему вдруг частное мнение одного человека вызвало приступ страха и чувство бессилия у сотен тысяч, быть может, миллионов «читателей газет». Ему, западному человеку (если он не советолог, конечно) пришлось бы объяснить, что впервые за долгие месяцы жестко-авторитарная нетерпимая ко всем иным точка зрения была опубликована в центральной газете — без уравнивающей ее противоположной, даже без комментария редакции. Сотни писем с резкой критикой этой позиции так и не пробилась на страницы газеты (и не только этой, но и других — за исключением, пожалуй, лишь «Московских новостей», которая, как известно, до провинции практически не доходит). Мы-то знаем, что в нашей прессе такие случайности — не случайны... Ну, а если и этого показалось мало, то вот вам другой ход: «Началась спешная перепечатка в некоторых больших и маленьких газетах... Кое-где стали распространять скерокопии, некоторые райкомы стали проводить широкие обсуждения статьи, собрания, заседания кафедр, где должна была быть высказана поддержка идеям, содержащимся в публикации...» («Известия», 9 апреля с.г.).

Ну вот, теперь, кажется, картина в целом выстраивается. Понятно, «откуда ветер дует». Остается уточнить некоторые детали.

* * *

Друзья из Ленинградского клуба «Перестройка» сообщили: «Устраиваем дискуссию вокруг статьи Н. Андреевой. Есть противодействие, но мы ее проведем. Приезжай!».

Первая реакция: а что теперь, после ответа в «Правде», дискутировать? Кто решится открыто поддерживать «манифест антиперестроечных сил»? Что, опять гражданская смелость и защита прогресса по команде сверху? Но тут же — и другая мысль: ведь автор-то «письма в редакцию» — из Ленинграда. Интересно, ведь эти три тревожных недели должны были там происходить как-то по-особому. Но как?

...Питер встретил снегом и холодом. И сразу первые новости: состоится ли дискуссия — неизвестно. ДК им. Ленсовета может не принять ее под своей крышей (Давление? Но кто его оказывает?).

Второй сигнал: ленинградское ТВ снять не будет (а раньше — повышенный интерес). Почему? В конце концов, путем сложных переговоров, со звонками в Москву и прочими «ходами» получен «зеленый свет».

С 18 часов в большом, мест на 300 зале Дворца культуры начинает собираться народ. К 19 часам места уже все заняты, люди стоят в проходах. ТВ и киношники-документалисты занимают стратегические позиции. В зале сгущается атмосфера ожидания чего-то значительного.

Наконец, председательствующий начинает собрание, говоря о значении эпизода с публикацией в «Советской России». Пока всё «по нотам».

Но вот один из членов клуба зачитывает «хронику трех недель». Так, становится понятно, что здесь-то как раз и произошло самое интересное: «одобрительные обсуждения» с попыткой отбора присутствующих, неожиданным перенесением места и времени обсуждения, соот-

ветствующим освещением по местному ТВ (показывались практически лишь высту­павшие «в поддержку») и тому подоб­ные незамысловатые приемы. Ин­тересно и то, что представители редак­ции «Советской России», прибывшие в Ленинград для сбора «одобрительных откликов», не рискнули организовать об­суждение в кругу своего родного дети­ща — Клуба друзей газеты. Видно, зна­ли об отношении своих читателей к статье. А вот и замечательные куски из протокольной записи «такого» обсужде­ния, организованного Ленинским рай­комом города 23 марта в одном из ДК, сделанной представителями клуба:

«...Немецкая волна, Парижское ра­дио, Голос Америки уступают «Огоньку», «Неделе», «Московским новостям» в антисоветской пропаган­де» (Аплодисменты).

«...За втаптыванием Сталина в грязь стоит завуалированный, замаскирован­ный антисоветизм, антисоциализм. Эти люди сначала втаптывали в грязь Сталина, а теперь ругают коллективиза­цию, индустриализацию, культурную революцию. Рыдают, что отняли у на­рода Гумилева, Северянина». «...Игорь Кон говорит, что молодежи надо за­ниматься и сексом, и рок-музыкой, а своих-то детей он водит в Киров­ский театр и в филармонию» (Апло­дисменты).

(Реплика из зала: «У Игоря Кона нет детей».) «...Здесь говорили о дикта­туре пролетариата. Позволю себе ри­торический вопрос: по отношению к кому сегодня в наше время необхо­дима эта диктатура? (Шум в зале, перебивают: «По отношению к тебе!» Смех, аплодисменты)».

«...С моей точки зрения эта статья в «Советской России» имеет ярко выраженный антисоветский харак­тер. И мы (говорит представитель неформального объединения «Чело­век») подумываем возбудить уго­ловное дело против газеты, которая позволила себе опубликовать подоб­ный материал». (Возмущение, шум в зале, ведущий недоумевает, как это можно — такую статью обвинять в антисоветизме).

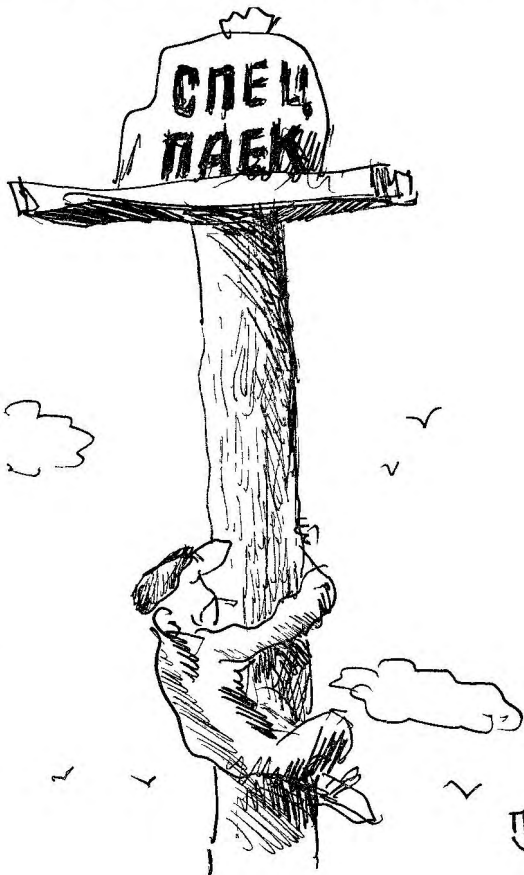
«...Как относиться к нашей прессе, если она превозносит Шагала, а Ша-

гал — сионист. ...Наши официальные га­зеты прославляют сионизм!» (Аплодис­менты).

И так далее. Повяло чем-то очень знакомым... Но лучше всего — конец «Были высказаны разные мнения, но в общем статья хорошая. Надо газете про­должать в том же духе». (Это — пред­ставитель газеты говорит!)

Вот так единомыслие! И главное, как организовано!

29 марта — еще одно обсуждение, на этот раз организованное другим райко­мом — Выборгским. Снимает ТВ, а на следующий день ленинградцы видят ча­совую передачу. Из всех выступа-

ющих — лишь один «не согласен» (для приличия так сказать). Что ж, механика знакомая. Но вернемся на нашу дискуссию.

Выступает зав. кафедрой научного коммунизма Лесотехнической академии, (расположенной, кстати, в Выборгском районе), рассказывает, что она и ее коллеги, возмущенные статьей Н. Андреевой, написали в «Советскую Россию» письмо «Верность принципам, или Руки по швам!» Не напечатали. Понятно, что и на обсуждение, организованное райкомом их не допустили (сказали, что оно отменяется).

Накал дискуссии нарастает, появляется тот известный знатокам общественных собраний красноватый отблеск, который узнается очень просто: у людей отключается «вторая программа» — вбитый в нас историей СТРАХ, инстинкт социального самосохранения. Я это обычно определяю по частоте обращения публики к образу Сталина.

Странный мы все-таки народ. Вопрос «Откуда мы идем?» волнует нас гораздо больше проблемы «Куда дальше?» На Западе политика — это выборы, демонстрации «за» или «против», входил ты в эту или другую партию; это, наконец, цены на бензин, налоги и тому подобные вполне осязаемые вещи. Мы же вот уже какое поколение спорим о прошлом, оно довлеет над нами, не пускает нас заняться столь же материальными, нужными делами — нам обязательно нужно выяснить, была ли альтернатива сталинизму или кошмар колымских лагерей был неизбежен!

Как будто в истории что-нибудь можно выяснить окончательно!

Но ведь и не решив для себя, хотя бы на сегодня, этот вопрос, дальше двигаться невозможно... Ведь есть же такая химера как совесть, как голос крови, наконец, ведь не стали же мы лишенными памяти существами, айтматовскими манкуртами (ну хоть не все, по крайней мере).

Вот говорит женщина, внучка замученного в недрах сталинского Левиафана революционера. Вся ее родня погибла, выжила чудом лишь мать. Жили на положении ссыльных в Караганде. Видела «Карлаг». После войны побывала

в ГДР, в Гухенвальде: «Я могу сравнивать. Сталинские лагеря были больше и страшнее. Но больше грызет ее — другое. Будучи сама студенткой на рубеже 1940—50-х годов, она, **убежденная сталинистка** (после всего, что видела), принимала участие в травле «вейсманистов-морганистов-безродных космополитов». Профессор, которого она бичевала на том собрании, спустя неделю покончил с собой...

Вот это-то перекрестье судьбы и не дает ей спать спокойно. И еще — **видения**.

Миллионы людей закопаны во рвах, без знака, без памяти, а те, кто дождал до наших дней (их уже единицы остались), — не имеют и тех жалких привилегий, которыми общество «расплачивается» с ветеранами последней войны. Их, этих «последних из могики», не объединяет, не защищает никакая организация. А ведь было, подсказывает услужливая память, в свое время славное Общество политкаторжан, не случайно, впрочем, упраздненное Сталиным. Так может возродим, а?

И Памятник нужен, чтобы было где постоять молча, с непокрытой головой. Не будет лучше места для раздумий о нашей истории. Забвение прошлого грозит его повторением.

Ветеран войны, ленинградский писатель Аркадий Соснин говорит о личном опыте столкновения со сталинской темой нашей истории. 26 июля 1944 года на 2-м Украинском фронте по прямому устному указанию «Верховного» были расстреляны тысячи немецких пленных. Приказано это было сделать солдатам боевых частей. После страшной ночной бойни солдаты обсуждали — чем это могло быть вызвано, кое-где поступили разъяснения, что это было сделано, чтобы высвободить некоторые части, которые сдерживали окруженную кишиневскую группировку, и бросить их дальше на фронт. Потрясение испытанного ночью ослабило привычный страх общения между людьми. И тогда он, 19-летний мальчишка услышал воспоминания солдат и о сгинувших в лагерях, угасших в голодное лихолетье коллективизации родителях, братьях, сестрах. Нет, после услышанного он не поверит, — что военное поколение жило лишь Сталиным. Статья Анд-

реевой, говорит он, бьет на раскол поколений...

Другие выступающие говорят о том, что консервативная контратака началась раньше, не статей в «Советской России», а погромной критикой пьес М. Шатрова и романа А. Рыбакова «Дети Арбата».

Вообще я заметил, что любая тема, будь то повышение цен, экология или политическая реформа, неминуемо выходит на Сталина — практически на любой современной дискуссии. Его «дух» как бы витает над нами, мы боремся с ним, как со своей судьбой — в себе, а вот как это сделать, как «выдавить из себя раба», понимаем очень по-разному. Очевидным, пожалуй, представляется лишь то, что без тотальной, драматически напряженной внутренней десталинизации, без разрушения символической системы освященной нашим собственным отношением власти, которую Он венчал, без пересоздания языка, прикрывающего пропасть между провозглашенным идеалом и жестокой реальностью, — безо всего этого ни на какое последовательное пересоздание действительности надеяться нельзя.

Четко осознают это, видимо, немногие, но чувствуют все, кто к переменам стремится. Именно поэтому практически невозможно встретить ни настоящего сталиниста-перестройщика, ни антисталиниста-консерватора.

И оценки масштаба личности Отца народов и даже роли его здесь не имеют существенного значения. Устав от пошлых либеральных стереотипов, кое-кто даже из наших очень уважаемых интеллектуалов-прогрессистов может себе позволить, например, говорить о Сталине как о выдающейся личности, орудии исторического промысла. Пусть их! Чего они не могут сделать, оставаясь самими собой, — так это принять принципы сталинской системы. И постольку — они что бы они там, ни говорили, — антисталинисты по сути.

...Об этом я думал в зале, где атмосфера людских страстей вокруг образа Отца народов была так перенасыщена энергией, что, казалось, начнет плавиться микрофон перед очередным исповедующимся.

* * *

Как, однако, все в истории связано: чтобы противостоять переменам — необходимо идеализировать прошлое (каким бы оно ни было!). Чтобы эти перемены произвели — необходимо пересмотреть свое отношение к нему. Для сохранения статус-кво достаточно отстаивать сакральный принцип власти, («нет власти, аще не от Бога...»), ее идеологическую преемственность. Но для движения вперед — надо искать для нее новые основания.

И тревожная хроника трех мартовских недель заставила участников дискуссии говорить об идеологическом кризисе перестройки, искать механизмы гарантии ее необратимости, предлагать свои решения. Для многих ясно: чтобы сохранить достигнутое — надо идти вперед, расширять сферу гражданских свобод, становиться политиками, что значит: **научиться влиять на принятие решений**. Мы ведь этого практически не умеем. Из всех инструментов публичной политики нам хорошо известен лишь один — писать «наверх». Ну, еще, может быть, собирать под этими письмами подписи.

Но что делать, если эти петиции не оказывают никакого действия (а то и вообще не доходят до адресата)? Так и оставаться в позе просителя? Ни одно критическое письмо «против» статьи Н. Андреевой, пока не появилась публи-

кация в «Правде» не было напечатано ни в одной центральной газете — это значит, что был «сигнал» не печатать. Чей? Этого не произносят до сих пор... На этот раз «они не прошли», но как сделать так, чтобы ситуация с кампаниями «за» и «против» — не повторилась?

Приближение XIX партконференции обострило все эти вопросы. Многими конференция воспринимается как решительная проба сил между — «консерваторами» и «прогрессистами», как момент выбора пути нашего дальнейшего развития.

Естественно, дискуссия не могла обойтись и этого узлового момента нашей исторической судьбы.

Представитель клуба «Перестройка» Лев Гольдштейн говорит: «После 13 марта уже невозможно говорить, что все мы по одну сторону баррикад. В лице Н. Андреевой консервативные элементы аппарата показали свои коготки. Могут ли в этой ситуации и коммунисты и беспартийные равнодушно смотреть на то, как проходит подготовка к партконференции? Велика опасность аппаратного манипулирования решениями выборных органов. Мы предлагаем выступить с инициативой и предложить ЦК КПСС изменить порядок выборов делегатов в будущем. Нужны **прямые выборы** делегатов членами партии, при условии выдвижения не менее двух человек на одно место и после обязательной дискуссии между кандидатами. Современные технические возможности позволяют это сделать. Демократия должна уметь защищаться, когда ей угрожает опасность консерватизма, активная опасность неосталинизма.

Другие говорят о необходимости гарантий свободы слова — которое было бы услышано и согражданами, и «наверху». Такая гарантия видится в независимой — от аппарата, от «сигналов» — прессе. Необходимо превратить закон о кооперации — в инструмент демократии. Кооперативные издательства — путь к независимым изданиям.

С удивлением вижу, что один из выступающих с трибуны рекламирует журнал «Век XX и мир», рекомендуя прочитать всем обязательно «Баррикады перестройки» во втором номере. Многие мысли на дискуссии созвучны

напечатанному.

Вновь (как и на всех такого рода собраниях последних лет) слышен призыв к созданию Союза защиты перестройки или Народного фронта. Понятна аргументация: раз процесс размежевания запущен, раз идет реальная борьба, то необходимо и организованная ее форма.

Она, собственно, уже существует, говорит один из лидеров ленинградского экокультурного движения. Это общественно-политические клубы. Но они должны объединиться, обрести статус гарантирующий **слышимость** их голоса, учет интересов ими представляемых. Объединившись, клубы могут добиваться права законодательной инициативы признания себя политическим субъектом.

Нет, не случайно замирает у нас сердце с началом каждой новой «эпохи реформ». В лучшее хочется верить — но накопленный в генах культуры исторический опыт сдерживает, одеревявляет: «Не было бы хуже». Вот к этому-то, увы, свойственному нам мироощущению, и призывают «консерваторы сверху», стращаю угрозой разрушительного разномыслия. И ведь действует, «работает» мифслогема о спасительности единообразия и единомыслия, сильные еще в нас представления,

«...Что счастье не в том, что один за всех, а в том, что все — как один».

Очень это тонко уловил покойный бард Александр Галич.

И дело, увы, не только в замещенном инстинкте самосохранения — или стремления выгадать, пусть и поступившись убеждениями, в стане победителей, нет. Вот «Мэтр», живая история советской социологии, В. А. Ядов говорит о феномене «добросовестного конформизма», социально-психологический механизм которого действует с непреложностью паровой машины. «Ошибаться с большинством лучше, чем быть правым с меньшинством или в одиночку». Это — страшный путь. Конец его в пределе обозначен Нюрнбергом. И, слава Богу, мы, кажется, сходим с него, начинаем мыслить не только категориями «большинство — меньшинство», но смотрим и на ценности, цели, интересы того и другого.

Машина консервативного большинства,

кажется, струнулась, поверила, что перестройка — это «всерьез и надолго». Однако глубина грядущих перемен, потеря значимых элементов привычного мира — не может не пугать. Вот здесь-то в тревоге большинства перед неизвестностью, страхе перед новым, более жестким укладом жизни — последний, но достаточно сильный аргумент «консерваторов сверху».

* * *

...До чего стремительно мчится время в годы революций. За пятнадцать предыдущих лет (1970—1984) — изменения мизерные, газеты 1970 и 1980 годов почти неотличимы по языку, системе символов, по понятиям и критериям оценки «хорошо», «плохо». Хвалят и ругают все тех же. Тоска. Тоска. За три года — изменения в понятийно-символическом строе общественного сознания — фантастические, политический словарь изменился чуть не на $\frac{2}{3}$, богатство критериев расширило диапазон оценок невероятно! Да, это — революция мышления.

Прошел всего год с небольшим, как я в первый раз пришел на заседание московского клуба «Перестройка». И, когда там впервые было произнесено с трибуны слово «плюрализм», люди в зале, переглядываясь, говорили вполголоса, что не стоило бы так вот сразу, товарищи из райкома могут не понять — уж больно чужое слово, страшное. Прошло лишь полгода — и формула «социалистический плюрализм» была произне-

сена генсеком. Пока — плюрализм мнений.

Но ситуация развивается стремительно. Три весенних недели 1988 года показали, что **реальный** плюрализм — уже существует. Ибо то, как организовывались «одобрения» консервативного манифеста — это уже не демонстрация мнения, это — уже акция, политическое действие. С другой стороны, и такие дискуссии, как организованная ленинградской «Перестройкой», — тоже уже не воскресные пикники, а вполне сознательные действия.

А. Гельман в своем выступлении на открытом партсобрании в Совете кинематографистов выдвинул требование открытого проведения пленумов ЦК. Тогда мы будем знать кто и что думает в партийно-государственном руководстве страны. А значит, сторонники различных идеологических ориентаций будут знать как своих фактических лидеров, так и противников. Это было бы еще одним шагом к называнию вещей своими именами шагом от безличного плюрализма де-факто — к вполне определенной публичности политической жизни. Тогда, быть может, не придется гадать, от кого последовал таинственный «сигнал», а безличное выражение «Есть мнение» будет вызывать вполне законный вопрос «чье?» Тогда логичен будет и следующий шаг: иметь **свое** мнение, уметь его защищать, «выстраивая» для этого специальные механизмы и общественные организации. Других гарантий необратимости сегодня никто не дает. Надеяться надо на себя.

ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР СОТРУДНИЧЕСТВА

По американским данным, во время атаки двадцать процентов наступающих погибает. Если так, то этот человек должен был погибнуть по крайней мере трижды...

Петр Бараболя во время второй войны участвовал в двенадцати атаках. Дважды был ранен, один раз тяжело. После войны стал офицером-юристом, шестнадцать лет возглавлял международно-правовой отдел Главного штаба Военно-морского флота СССР, одно время выполнял обязанности эксперта при секретариате ООН. С 1975 по 1982 год является заместителем руководи-

теля советской делегации на III Конференции ООН по морскому праву. Стал генерал-майором юстиции. Сейчас он один из руководителей общественной комиссии СКЗМ «Мир океанам».

Бараболе довелось побывать в десятках стран. Особенно часто он встречался, естественно, с американскими военными.

П. Б. Иногда меня спрашивают, а какие они, американские военные, такие ли, какими их привыкли изображать наша пресса, кино, телевидение. Однозначно на этот вопрос не ответишь. Ну, представьте себе ситуацию, когда идешь на встречу с человеком и знаешь, что у него в кармане план, как напасть на тебя. Настроение, конечно, одно. Но вот заговорил с ним — и начинаешь понимать, что он тоже думает, что у тебя в кармане план нападения. Тут все зависит от партнеров. Смогут ли они преодолеть взаимный страх и предубеждения?

Я встречался со многими американскими адмиралами и должен сказать, что большинство из них прекрасно понимают опасность войны и не хотят ее. И как профессионалы, и просто как люди. Мне много раз приходилось бывать в Соединенных Штатах. По моим наблюдениям, средний американец — довольно инертный человек, к политике мало причастен. Из материалов газет он больше интересуется акциями, спортивными

Петр Бараболя: «Не думайте, что каждый американский офицер только и мечтает начать войну с нами».

новостями. О нашей стране, в основном, печатаются только негативные материалы, а если есть какие-либо негативные стороны в США, то в этом виноваты Советы, убеждает местная пресса. Но простые американцы мало в это верят.

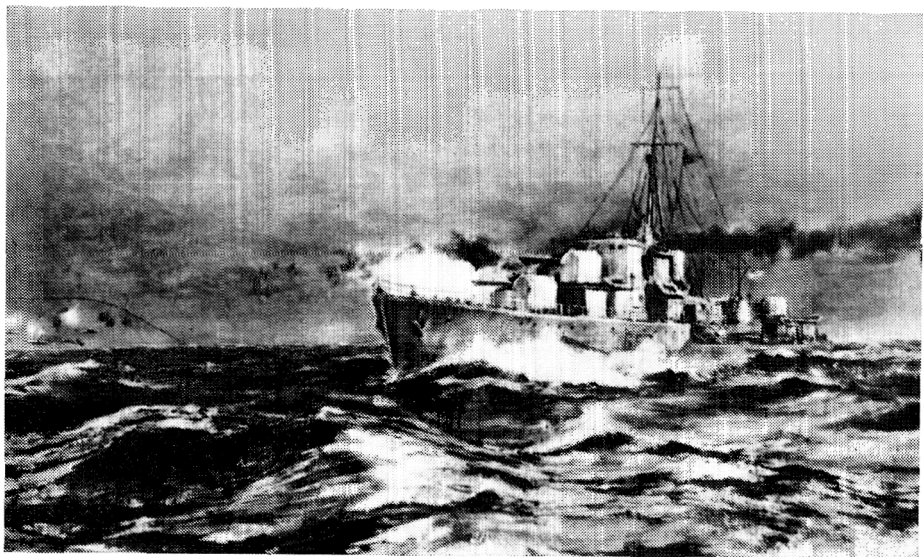
В общем, не думайте, что каждый американский офицер только и мечтает, чтобы начать войну с нами. На одной из конференций по морскому праву я встретился с вице-адмиралом Крамером. Мы с ним разговорились на тему возможности войны между нашими странами. Адмирал сказал мне так: «Слушайте, у меня трое детей, уже внуки есть. Неужели вы думаете, что я, американский адмирал, хочу, чтобы они погибли в этой войне. Я как профессиональный военный прекрасно понимаю, что накопленных арсеналов достаточно для самоуничтожения человечества. Сколько фильмов уже вышло на эту тему, книг написано, статей. Человечество уже испугалось. Может, где в океане и останется островок цивилизации, или в горах, в укрытых тоннелях. Но какой цивилизации? Уже без нас, да

и все живое мы уже уничтожим».

Был и как-то в гостях в доме адмирала Макса Морриса. У него тоже трое детей. Были члены его семьи, американские офицеры. Сначала обстановка была натянуто-официальной. А потом разговорились и даже... распелись. Мы почувствовали себя, ну прямо, где-нибудь на Арбате, в старой московской квартире. Наш переводчик на английском языке спел «Катюшу», «Подмосковные вечера», «Последний бой» — песню Михаила Ножкина из кинофильма «Освобождение». Американцы попросили повторить последнюю песню, стали подпевать нам. В общем, нормально посидели.

Корр. Во всем мире морские офицеры всегда считались элитой армии. Высокобразованные, интеллектуальные, они должны прекрасно разбираться как во внутренних, так и во внешнеполитических делах. Наверно, это связано с тем, что морякам разных стран часто приходится встречаться друг с другом в различных обстоятельствах...

П. Б. Совершенно с вами согласен. И пусть на меня не обижаются пред-

ставители других родов вооруженных сил. Но вот вам конкретный пример. В 1972 году мы заключили соглашение с американской стороной о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним. Подписали его главнокомандующий ВМФ СССР адмирал флота СССР Горшков и военно-морской министр США Уорнер. Кстати, подобное соглашение было подписано недавно и с Англией. И это произошло не в лучшее время для советско-американских отношений. Несмотря на напряженность, военно-морские представители СССР и США продолжали ежегодно встречаться на самом высоком уровне. И мы там обсуждали самые разные проблемы.

Несколько раз нашу делегацию приглашали на авианосцы, где желающие могли сделать взлет и посадку на так называемый «крюк» и получить удостоверение, что он взлетел с палубы авианосца США.

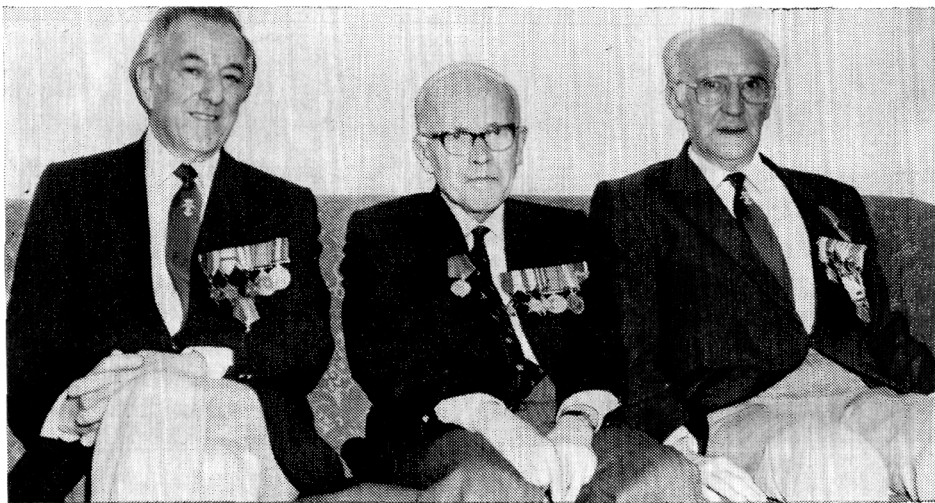
В ответных визитах американские офицеры и адмиралы приглашались на наши боевые корабли. И даже когда при президенте Картере начали ухудшаться отношения между нашими странами, переговоры между военными моряками СССР и США всегда велись вежливо и корректно, и мы по ря-

ду вопросов приходили к обоюдному согласию.

Потом, не забывайте, что военно-морские силы СССР и США часто действуют, как говорится, на «параллельных курсах». В частности, в Средиземном море плавают 6-й флот США и наша Средиземноморская эскадра. Поэтому взаимная вежливость и уважение просто необходимы. Мы все время говорим, что случайный запуск ракеты может развязать войну. А случайный выстрел из корабельного орудия?

Весь опыт общения наших флотов доказывает, что военные могут говорить друг с другом не только через оружейные прицелы, а и за столом переговоров, могут воздействовать на внешнюю политику, обеспечивать мирное плавание в Мировом океане, а самое главное — не создавать инцидентов, могущих привести к серьезным последствиям.

Вы, наверное, знаете, что наше правительство предложило создать совместные военно-морские силы в Персидском заливе для поддержания мира в этом регионе. Опыт в этом отношении у нас есть. В 1937 году мы совместно с Англией и Францией заключили Нионскую конвенцию по борьбе с подводными лодками, нападающими на

торговые суда. И во время войны в Испании эта конвенция сыграла определенную роль: фашистские подводные лодки перестали топить наши торговые суда.

Пока об этом мало говорилось, но, мне, кажется, что опыт сотрудничества военных моряков различных стран пригодился бы политикам. Ведь разумные концепции выдвигаются не только Востоком, но и Западом.

Корр. Вы заместитель председателя общественной комиссии «Мир океанам». В чем заключается ее деятельность?

П. Б. Комиссия была создана при СКЗМ в ноябре прошлого года на учредительном собрании общественных деятелей, мореплавателей, ученых-юристов, океанографов, представителей некоторых морских ведомств. При обсуждении этого вопроса проявилось два подхода в отношении организации работы комиссии. Значительная группа специалистов и ученых, знающих проблемы Мирового океана, выступала за создание мощной работоспособной структуры, способной резервовать деятельность как внутри страны, так и во вне.

В то же время группа ученых-юристов считала, что комиссия должна ограничиться проведением митингов, сим-

позиумов и конференций и потому не нуждается в какой-то разработанной организационной структуре. Они не учитывали то обстоятельство, что проблемы мира и сотрудничества на морях и океанах настолько емкие, разнообразные и серьезные, что в составе самой комиссии необходимо будет создавать специальные рабочие группы, выпускать хотя бы раз в год специальный бюллетень «Мир океанам».

Нашились представители некоторых институтов, которые хотели бы создать комиссию просто «для галочки», побавиваясь, как бы она не отобрала у них кусок того хлеба, который они бесплодно и безрезультатно перемалывают в течение многих десятилетий.

Мировой океан требует к себе внимания, невозможно обеспечить мир, добиваться разоружения, ограничения военной деятельности на его просторах без гигантских усилий, без организации и широких действий всей мировой общественности, без народной дипломатии.

Корр. А существует где-нибудь еще в мире организация, подобная Вашей комиссии?

П. Б. Во время работы III конференции ООН по морскому праву, проходившей с 1973 по 1982 год, в работе

Забвению не подлежит

Эта картина (стр. 39) находится в Центральном музее Вооруженных сил СССР в Москве. На ней запечатлен эсминец «Гремящий», который в годы Великой Отечественной войны охранял караваны транспортов, доставлявшие грузы из союзных стран в наши североморские порты. Одним из радистов на «Гремящем» был человек, который на фотографии крайний справа. Его зовут Лесли Салливан. Он англичанин, как и двое других — Кеннет Кларк (в центре) и Ричард Сквайер. Снимал их наш корреспондент в Советском комитете за-

щиты мира. Три ветерана — основатели «Клуба Северной России», в который входят больше трехсот бывших британских военнослужащих. «Собираем воспоминания о годах сотрудничества с Россией», — говорит Сквайер, — организуем публикации об этом в печати. Такие страницы истории не должны быть преданы забвению. К сожалению, у многих оказалась короткая память. А иные молодые люди на Западе даже толком не знают, кто и с кем и за что воевал в минувшую войну».

Фото Сергея БЕРМЕНЬЕВА

которой участвовали делегации около 160 государств, в том числе свыше ста представителей военно-морских сил из 50 стран мира, был создан клуб военных моряков под названием «Защитники моря» (Sea Guardians).

Спрашивается, почему бы сейчас с учетом этого опыта не организовать широкую встречу военных, как отставников, так и тех, кто служит в армии и на флоте? Есть, уже, скажут организационщики «Генералы в борьбе за мир». Но это слишком узкая организация, хотя и работает в нужном направлении. У нас же гигантское количество отставников, грамотных ученых, бывших военно-морских аташе, которые владеют многими языками. Нужна массовость, охват представителей многих стран. Нужен обмен курсантами военных училищ, авиационными эскадрильями, представителями воинских частей, флотов, больше взаимных визитов военных кораблей.

Корр. А как Вы расцениваете события 12 февраля этого года, когда корабли ВМС США вторглись в территориальные воды СССР в Черном море и при этом в ходе маневрирования корабли обеих сторон получили повреждения? И все это происходило накануне встречи министра иностранных дел СССР Шеварднадзе и госсекретаря США Дж. Шульца.

П. Б. Это было преднамеренное вторжение. Как признала американская сторона, операция проводилась по решению командующего американскими вооруженными силами в Европе с санкции центрального военного командования. Все могло кончиться трагедией. Но наши моряки действовали грамотно, своевременно, с соблюдением действующих международно-правовых норм и законов Советского государства. По заявлению контр-адмирала в отставке Ю. Ларока, не было никакой военной необходимости, разведывательной или иной, вторгаться в территориальные воды СССР. Многие задавали вопросы, почему наши корабли не открыли огонь. Ведь это уже не первый случай. Я думаю, что ни в интересах СССР, ни в интересах США осложнять межгосударственные отношения и международную

обстановку в целом. И вряд ли наше командование может допустить, что командиры советских кораблей когда-нибудь пойдут на применение оружия против кого-либо, если это не будет вызвано явно враждебными действиями чужих военных кораблей.

Надо помнить, что Советский флот всегда придерживается принципа неприменения оружия первым, потому что мы прекрасно понимаем, чем это чревато.

Корр. Во время своего визита в Югославию М. Горбачев выдвинул целый пакет предложений по нормализации и оздоровлению обстановки в Средиземноморском регионе. Речь шла и о военно-морских флотах НАТО и ОВД. О взаимном ограничении военно-морской деятельности на севере Европы Михаил Сергеевич говорил и во время посещения Мурманска...

П. Б. Средиземное море — колыбель многих цивилизаций и стык материков. Очень важно, чтобы район бесконечных войн стал наконец-то мирным. В общем, Средиземное море — горячее море. Ему надо остыть. Поэтому наша страна предложила с первого июля нынешнего года заморозить численность кораблей и потенциал находящихся здесь морских сил СССР и США, а затем установить для них пределы.

Что же касается севера Европы, то препоны к укреплению безопасности в этом регионе кроются именно в возросшей военно-морской активности. Судите сами. С ликвидации ракет средней и меньшей дальности наземного базирования становится более важным морской компонент ядерных сил. Более того, опасность все возрастает, поскольку НАТО, и прежде всего США, постоянно наращивают свою мощь, особенно за счет развертывания на кораблях новых крылатых ракет, часть которых оснащена ядерными боеголовками.

Резко активизируется военно-морская и авиационная деятельность США и НАТО в Балтийском, Северном, Норвежском и Гренландском морях, отработываются операции по «подавлению» ВМФ СССР в непосредственной близости от советских портов уже

«на начальной стадии» потенциального конфликта, по блокированию военно-морских сил ОВД в их базах, подлодками США интенсивно осваивается район Арктики, активизировалась противолодочная деятельность ВМС США в этом районе. К «освоению» Арктики в военных целях приступила и Канада.

Все это говорит о том, что практическая реализация концепции морских передовых рубежей в русле «полярной стратегии» США идет полным ходом. Поэтому Советский Союз предложил совместно со странами Северной Европы обсудить возможность региональных мер доверия с более узким числом, чем предусматривается соответствующими решениями Стокгольмской конференции, включив в них элементы «ненаступательной обороны», резкого ограничения масштабов военных учений и другой деятельности в согласованных районах.

Мы также предложили заключить на двусторонней и многосторонней основе соглашения о предотвращении инцидентов на море и в воздушном пространстве над ним, которое распростра-

нялось бы на все омывающие Северную Европу моря, определить акватории действий ВМФ ОВД и ВМС НАТО с учетом районов многостороннего судоходства и рыболовства.

Нужно согласовать районы в Северной и Западной Атлантике, в которых должны быть запрещены действия противолодочных сил союзов, согласовать показатели крупных учений ВМС и ВВС (количество, участвующих боевых кораблей, самолетов, амфибийных сил, личного состава и т. д.) и предложить меры по ограничению количества проводимых в зонах Балтийского, Северного, Норвежского и Гренландского морей учений одним-двумя в один-два года, предварительно извещая о них и приглашая на них наблюдателей.

Но пока официальный Вашингтон вроде не демонстрирует готовности к обсуждению этих проблем. Будем надеяться, что трезвомыслящие военные все-таки докажут своему политическому руководству необходимость проведения переговоров и по этим проблемам.

Беседу провел В. БОГДАНОВ

НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО КАЖДОГО

Григорий ЛОКШИН,
кандидат исторических наук

В условиях, когда люди обрели способность к тотальному самоуничтожению, многократно возрастает значение всех моральных и правовых тормозов на пути к грозящей катастрофе. Высший долг гражданина любой страны, каждого индивидуального члена мирового сообщества государств и народов — в принятии на себя лично полной гражданской ответственности за сохранение и продолжение жизни на земле. Ответственность эта связана и вытекает из неотъемлемого и первейшего права человека — права на мир.

Является ли мир правом человека? Ответ на этот вопрос просится простой и очевидный — конечно! Право на жизнь как синоним права на мир все чаще появляется на первом месте в различных каталогах прав человека. Все права человека служат защите его человеческого достоинства. Но без мира сегодня не может быть ни достоинства, ни самого человека вообще. Тогда в чем же вопрос? А в том, что логика разума и логика истории в этом вопросе отнюдь не совпадают. Стремление к миру и утверждению прав человека происходило из разных потребностей и развивалось в истории по разным направлениям. Нередко бывало и так, что мир (как порядок, умиротворение) навязывался силой, через грубое поправление всех прав и достоинства целых народов. Не из этого ли понимания мира вытекала известная формула, наделавшая немало бед в истории, — хочешь мира, готовься к войне (*si vis pacem, para bellum*).

Эволюция нашей цивилизации шла от ничем не ограниченного права на войну (*ius ad bellum*) до объявления войны

преступлением против человечества и утверждения права народов и государств на жизнь в мире (*ius ad pacem*).

Только в современном видении мира как противоречивого, но взаимосвязанного и единого целого стало очевидной и неразрывная связь между миром и правами человека. И все-таки на вопрос, стало ли уже право на мир правом человека, следовало бы, вероятно, ответить: в теории — да, а на практике — пока нет.

Запрет войны и агрессии, как это определено Организацией Объединенных Наций, составляет сегодня принцип «*ius cogens*», то есть императивную норму всеобщего международного права. В этом заключено одно из важнейших достижений человеческого разума.

Наука о войне достигла в наше время пика в своем развитии, тогда как наука о мире делает лишь первые шаги. Так и право на мир все еще нуждается в защите, хотя это право, без которого бессмысленно говорить о любых других правах и свободах, о гарантиях самого физического существования человека. Находятся и у нас оппоненты, которые ссылаются на то, что в международно-правовых документах нет пока четкого определения содержания этого права. Они готовы признать лишь коллективное право народов на жизнь в мире в соответствии с Уставом ООН и т. д., но что касается признания этого права как индивидуального права человека, то они либо сомневаются, либо категорически против. Всех в данном случае смущает то, что в индивидуальном плане это право может быть истолковано в соответствии с француз-

ской системой права, в которой существует понятие «гражданский мир». Следовательно право на мир сводится к праву на безопасность, на защиту от насилия и т. д. Зачем нужно это признание, спрашивают некоторые наши юристы. А как быть с классовой борьбой, с правом на революционное насилие, на гражданскую войну, национальное освобождение и т. д. и т. п.?

Вот и встает немало вопросов, к которым было бы полезно привлечь внимание наших обществоведов, юристов и философов. Сама жизнь, бесспорный приоритет общечеловеческих ценностей, развитие демократии и гласности подсказывают необходимость и целесообразность разобраться в этих видимых противоречиях. Ведь все они, скорее всего, носят диалектический характер и снимаются на базе нового политического мышления.

Вообще противопоставление друг другу индивидуальных и коллективных прав человека весьма сомнительно. Оно напоминает известный анекдот, в котором человек на собрании спрашивает ведущего:

- Скажите, я имею право..?
- Имеете, конечно.
- А я могу..?
- Э нет, не можете!

Если признается неотъемлемое право народов и государств на жизнь в мире и безопасности, то как можно лишать этого права индивидуального гражданина? Вероятно, применение этого права, как и любого другого, имеет свои определенные границы. Они начинаются там, где затрагиваются права и свободы других народов, государств и граждан этих государств. Сугубо индивидуальными правами пользовался один Робинзон Крузо у себя на острове и то до тех пор, пока не появился Пятница.

К первоисточникам права на мир можно отнести, в частности, ленинский Декрет о мире, впервые объявивший войну преступлением против человечества и утверждавший принцип демократического, справедливого мира без аннексий и контрибуций. Сюда же

следует отнести такие документы, как Устав Лиги Наций, Пакт Бриана-Келлога, Устав ООН и, наконец, хельсинкский Заключительный акт, утвердивший принцип неприменения силы как важнейшую норму международного права.

15 декабря 1978 года по предложению Польской Народной Республики 34-я сессия ГА ООН приняла единогласно «Декларацию о подготовке обществ к жизни в мире». В этом документе было впервые, хотя и не совсем четко, зафиксировано право на жизнь в мире как основное право человека:

«...все народы и все люди, независимо от расы, убеждений, языка и пола, обладают неотъемлемым правом на жизнь в мире Уважение этого права, а также других прав отвечает общим интересам всего человечества и является неотъемлемым условием развития всех народов, больших и малых, во всех областях».

Естественно, в этом документе еще нет исчерпывающего определения, что практически означает право человека на мир, в чем заключается, как говорят юристы, правопритязание и кто является его адресатом.

Скажем прямо, такой дефиниции еще никто не дал, хотя попытки к этому предпринимались.

В большинстве случаев речь идет о праве человека на жизнь в условиях мира и безопасности.

Вместе с рядом советских ученых мне довелось в 1978—1981 годах принимать участие в нескольких международных встречах, проводившихся по инициативе известного американского предпринимателя и общественного деятеля Арманда Хаммера. Они носили характерное название — Конференция А. Хаммера «Мир и права человека — права человека и мир». К сожалению, начатое дело не получило развития.

На состоявшейся в феврале этого года в США советско-американской «Встрече граждан в верхах» было решено продолжить совместное изучение проблемы увязки мира и прав человека. Был учрежден постоянно действующий

ций советско-американский форум «За жизнь с правами человека».

Большой интерес к этой проблеме проявляют участники уже ставшего традиционным «Диалога марксистов и христиан», который проводится ежегодно Советским комитетом защиты мира в сотрудничестве с Международным институтом мира и Центром по исследованию проблем мира Венского университета. Очередной XV форум этого Диалога состоится в октябре в Советском Союзе. Эта же проблема была поставлена в дискуссионном клубе СКЗМ. Думается, что возобновление диалога на эти темы приведет к важным и полезным результатам.

Право человека на жизнь в мире, в действительности опирается не только на международные нормы и постановления, но и на «...простые законы морали и нравственности, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица...» и которые, по словам К. Маркса, должны стать «высшими законами и в отношениях между народами». Это — в значительной мере этический принцип глобальной нравственности и солидарности, основанный на социальной совести человечества.

Советский писатель А. Адамович, в частности, считает: «Раз уж возникла ситуация, что человек, люди обладают мощью, способностью самих себя уничтожить, оборвать жизнь на планете, нет и быть не может более высокого нравственного чувства, чем чувство-запрет, отвергающее все, что может привести к необратимому результату... Все доктрины и все цели, любые стремления и средства, интересы и устремления как отдельных людей, так и целых классов, сообщества наций, партий, союзов и т. д. и т. п. — все оценивается и, должно, и будет оцениваться по высшему счету: к бездне толкают или от бездны уводят человечество? И это так, даже если кто-то объявляет и будет дальше убеждать себя и других, что есть «вещи поважнее...»

Утверждение права на жизнь в мире как индивидуального права человека носит отнюдь не академический характер. Оно подводит солидную правовую

основу под все движение за мир, значительно подкрепляя его нравственный, гуманистический потенциал. Право на мир — это и право на борьбу, на действия во имя мира. Это обязанность всех государств строго уважать права участников всемирного движения за выживание человечества.

Это — фундамент «народной дипломатии», значение и роль которой будет неуклонно возрастать. Ведь мир и права человека просто слишком важны, чтобы целиком доверять их одним правительствам, генералам и дипломатам.

Право на жизнь в условиях мира и безопасности — это высший и полнейший синтез всех прав человека. Это право защищает такую высшую самоценность для всего человечества, наций и индивидуумов, как саму человеческую жизнь. Это — неотъемлемое право, которое не может быть ущемлено или ограничено ни временем, ни географическим пространством, ни обстоятельствами. От него зависит существование каждого человеческого существа независимо от расы, веры, языка или пола. Таким образом, это — самое элементарное право человека.

Право на жизнь в мире — это комплексное, синтетическое право. Оно воплощает в себе взаимозависимость и неделимость прав человека, как они определены в известных международных пактах, и подчеркивает их неразрывную связь с правом личности на мир. Как в период войны неизбежно нарушаются любые, если не все, права человека, так и человек, естественно, не может жить в подлинном мире, в обществе, где нарушаются права и основные свободы человека. Мир не может быть миром на кладбище. Он должен быть таким, где личность и ее достоинство надежно обеспечены. Не случайно, сорок три года назад основатели ООН объявили одним из ее важнейших принципов всеобщее уважение основных прав и свобод человека. В этом они видели существенный фактор мира и безопасности, а также надежный барьер на пути возможного возрождения фашизма. Из этого исходят и такие важнейшие документы, как Всеобщая декларация прав человека, 40-летие которой исполняется в этом

году 10 декабря, а также международных пакты о гражданских, политических, экономических, социальных и культурных правах граждан.

Во взаимозависимом мире наряду с ядерной опасностью ясно просматриваются и другие глобальные угрозы — экоспазм, голод, нищета, СПИД и т. д. и т. п. Прежде мы делали главный акцент на разоружении, ставя решение остальных проблем в зависимость от продвижения в данной области. Запад же делал упор на права человека, исчерпывая понятие «безопасности» регулированием конфликтов и кризисов. Развивающиеся государства видели возможность своего выживания только через призму установления нового мирового экономического порядка. Потребовалось немало времени и горячих споров, чтобы сначала убедиться самим, а затем убедить подавляющее большинство стран — членов ООН одобрить на 42-й сессии ГА ООН в прошлом году основные положения концепции всеобъемлющей системы международной безопасности, из которой со всей очевидностью вытекает, что действовать надо одновременно на всех направлениях, чтобы решать проблемы, а не накапливать их.

Да, значение разоружения как магистрального направления международных отношений на пути к выживанию и процветанию всего человечества бесспорно. Но это не значит, что в ожидании разоружения можно ослабить усилия на других направлениях. И, конечно, наоборот.

Вспоминаются в этой связи мудрые слова ныне покойного Ф. Нозль-Бейкера, который как-то на одной из конференций А. Хаммера в пылу полемики с наиболее активными правозащитниками заявил примерно следующее: «Те, кто обуславливает всякий прогресс в разоружении удовлетворением своих собственных требований в области прав человека, видимо, на деле не желают ни того, ни другого». И был, как всегда прав.

Каковы же могут быть конкретные практические выводы и последствия признания права на мир как индивидуального права человека? Это прежде всего:

— право демократического контроля за деятельностью своих правительств в вопросах войны и мира;

— право на участие в формировании политики, в процессе принятия решений по вопросам, касающимся применения вооруженных сил;

— право на получение правдивой и исчерпывающей информации о действиях правительств, которые могут привести или ведут к войне.

Все это — те права, которые индивидуальный гражданин вправе требовать от своего правительства на базе так называемого «социального контракта» и признания высшей обязанностью государств и правительств их обязанность обеспечивать всем народам, всем людям условия для жизни в мире и безопасности. Напомним в этой связи, что В. И. Ленин считал, что «самое крупное проявление демократии — это в основном вопросе о войне и мире» (т. 40, с. 92).

Право на мир подразумевает, как уже отмечалось, неотъемлемое право граждан на участие в движении за мир. Это включает, естественно, возможность пользоваться всеми общепризнанными политическими правами, в том числе и правом свободно выражать свое мнение, обращаться с петициями к правительству, правом на мирные собрания и создание ассоциаций для работы на пользу мира. Никто и нигде не может быть подвергнут преследованиям за деятельность, направленную на благо мира.

Все эти положения относятся современными исследователями проблем мира к «позитивным аспектам» права на мир. (По аналогии с концепцией известного норвежского ученого Й. Галтунга о «негативном и позитивном понятии мира»). К «негативным» аспектам относятся следующие:

— право на сопротивление войне, включая право на отказ от участия в несправедливой, агрессивной, преступной войне. Примером этого могут служить массовые выступления американской молодежи против агрессивной войны США во Вьетнаме, а в наши дни — против интервенции в Никарагуа;

— право на отказ от выполнения преступного приказа во время войны или

службы в армии. Это право базируется на приговоре Нюрнбергского трибунала над фашистскими военными преступниками, в котором отвергается ссылка на выполнение приказа как на оправдание собственных преступных действий. Об этом своем праве в наши дни напомнили, например, ряд военнослужащих голландской армии и отдельные офицеры бундесвера ФРГ, заявившие об отказе участвовать в подготовке ядерной войны как тягчайшего преступления против человечества;

— право на отказ от участия в любой деятельности, направленной на подготовку агрессивной войны или интервенции. Примером тому были неоднократные случаи отказа от уплаты доли налогов пропорционально доле военных расходов в национальном бюджете. Однако наиболее выразительный образец подобных действий — это массовый отказ сотен ученых в США, Англии, Японии и других странах от участия в исследованиях по программе СОИ.

В ряде западноевропейских стран с активным антивоенным движением настойчиво ставится вопрос о признании права на отказ от воинской службы по соображениям религии и совести. Единства мнений на этот счет еще нет. Многие выражают сомнения относительно моральной стороны этого дела,

рассматривая такой отказ от воинской службы как попытку откупиться (своими налогами) от обязанностей, выполнение которых в любом случае будет возложено на других.

Право на мир — это также полный запрет пропаганды войны, вражды и ненависти между народами (п. I, ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах человека). Этот важный принцип, к сожалению, до сих пор трактуется многими на Западе как «ограничение свободы выражения мнений». Он предполагает последовательное противодействие идеологии враждебности, демонологии, шельмования целых народов, их представление своему народу в стереотипном «образе врага». «Образ врага» устраняет моральные тормоза на пути к ядерному самоубийству. Он наносит невосполнимый ущерб целым поколениям. Право на мир — это необходимость остановить угрожающий процесс милитаризации мышления, культуры, морали.

Как говорил великий мыслитель нашего времени А. Эйнштейн, мир не может быть сохранен силой. Его можно достичь только пониманием. Если мы хотим быть понятыми, пора действительно перестать утешаться взаимными обвинениями и отбросить конфронтационные стереотипы мышления по принципу «мы против них».

На второй и третьей страницах обложки монументальная роспись на стене гостиницы «Садко» в Новгороде, работы художников Ольги ГЛАГОЛИНОЙ и Бориса ПЕТРОВА.

Фото Юрия ИНЯКИНА.

БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

